

Вероника Чуркина

Меркурий в.

*** ретрограде

Вероника Чуркина
Меркурий в ретрограде.

«Автор»

2026

Чуркина В.

Меркурий в ретрограде. / В. Чуркина — «Автор», 2026

Катя родилась в бесконечно далёком 1966 году. Волею судьбы она попала в то количество населения, которое едва отпраздновав восемнадцатилетие и посчитав себя абсолютно самостоятельными, автоматически попадали обратно в разряд детей. В не менее далёком 1984 году правительство страны издало указ считать совершеннолетними только граждан достигших 21 года. Ну, не будем забегать вперёд. Пусть всё идёт своим чередом.

© Чуркина В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Не надо тюсика!	5
Глава 2. Угмонитесь, ироды!	12
Глава 3. Времена всегда тяжёлые.	19
Глава 4. Счастье подаётся порционно.	25
Глава 5. Запах солнечных лучей.	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Вероника Чуркина

Меркурий в ретрограде.

Глава 1. Не надо тюсика!

Катя родилась в сентябре 1966 года. Это было воскресенье. Больше Катя про тот день ничего не знала. Сейчас в наши дни 1966 год – это уже история. И страна была другая, называлась СССР. Расшифровывалась такая словесная аббревиатура – Союз Советских социалистических республик. Республик было много, кажется пятнадцать. Ну, это не столь важно. Нам интересна сама Катя. Девочка Катя родилась в обычной для того времени рабоче-крестьянской семье. И была она первенцем. А это уже примечательно! До того времени маленький бревенчатый домик не оглашался детским плачем. С некоторых пор там жили Витя и его жена Рита.

– Ну, чего, мамулик, мы теперь настоящая семья? – смеялся новоиспечённый отец. Он был счастлив. Ему уже стукнуло 35, как мужчина стал отцом. Так сложилось, что он поздно женился. Не то, чтобы не хотел, а словно чего-то ждал. Много работал. И вот наконец, он встретил ту, свою единственную, свою Риточку. С первого взгляда мужчина понял: «Моя! Никому не отдам!» Окончательно Виктор осчастливился, когда переселился в домик к ней и её матери, когда смог видеть Риточку каждый день и не только видеть, а дотрагиваться до неё, целовать свою ненаглядную. Страна восстанавливалась после войны. Той самой кровопролитной войны 1941–1945 годов. Конечно, он не воевал. Когда началась война, ему было всего лишь десять лет. Тот ещё боец! Что тогда мог сделать мальчишка? Рита иногда приставала к нему с подобными вопросами.

– Перестань, Ритулик. Давай хоть на время забудем те ужасы, – шептал вкрадчиво прямо в ухо Витька-безобразник. Он цепко обхватил свою Ритулечку за её тонкую талию.

– Мама войдёт, – пыталась пресечь бесчинства Рита.

– Она ушла на работу.

– Что уже? В вечернюю смену?

– Ага, и недовольная такая. Так что вечер в нашем распоряжении, – свои слова Витя подкрепил пылким поцелуем и наглым поползновением жене под халатик. А Рита и не против томного вечера. Витя тоже ходил на работу на льнозавод, но в другую смену. Замечательно, что они с тещей оба ходили в разные смены. Риточка не работала по сменам. Она по утрам отправлялась в будние дни на службу. Молодая женщина трудилась бухгалтером и заседала в конторе. Она гордилась своей должностью. Гордилась и тем, что нашла себе пару.

– Нашла чему радоваться! Ты дура, Ритка! Подцепила какого-то слесаришку и балдеешь, – распекала девицу мать по поводу и без оного.

– Мама, нам с Витей хорошо вместе, – робко и не в первый уже раз возражала матери Рита.

– Хорошо им вместе! Живут в моём доме и в ус не дуют! Хотя бы дров на зиму заготовили, – никак не могла утихомириться мамаша.

– Мама, ещё только май начался, успеем.

– Успеют они! Да с вашими разворотами к новому году только и управитесь, – ворчала мамуля.

– Мам, ну чего ты хочешь? Хочешь, чтобы мы съехали на съёмную квартиру? Так нам дадут от льнозавода.

– Да ну вас! Живите. Вот обрюхатит он тебя и сбежит куда подальше.

– Мама, мы же свадьбу сыграли! В клубе вся деревня плясала под гармошку, – Рита от обиды чуть не плакала. Вот всегда мама так! Нет жениха – плохо. Завёлся ухажёр – неказистый.

А они с Витей даже поклялись друг другу в верности. Вся округа теперь знала, что Витя и Рита теперь муж и жена. Правда жили они пока у Ритиной мамы. Так было удобнее. Молодые решили, что маме одной будет тоже не интересно жить. Да и не выгодно. С дровами возиться, огород одной перекапывать... Вместе-то оно сподручнее. А тут и Рита «нечаянно» забеременела. Допарились молодые вместе в бане! Любили они всю зиму в баньке попариться да ещё и с берёзовым веничком. Никуда Витя не сбежал, да и кто бы ему позволил. Радовался ребёнку. Только одно немного огорчало – ждал мужик сына, а на белый свет появилась девчонка.

– Как назвать? – растерялась Рита. Хотелось дать дочери имя поинтереснее и непременно, чтобы редкое было.

– Давайте Натальей назовём в честь бабушки, – встряла вездесущая маманя.

– Чьей бабушки? – поинтересовалась Риточка. Она в задумчивости водила пальчиком по кончику столешницы обеденного стола.

– Твоей бабушки Наташи. Хорошая женщина была. Царствие ей небесное!

– Не хочу! – сморщилась Рита.

– Катерина, – выдал громко молодой отец.

– Кто? – изумилась тёща.

– Катерина, Катя. В честь моей бабули, – Витя сделал строгое неприступное лицо.

– Я согласна. Катерина! Да здравствует Катерина! – обрадовалась новоиспечённая мамаша.

– Дело ваше, – фыркнула непривыкшая ещё к новому статусу, бабушка. А тут ещё повезло. Ритуля вышла на работу после декрета, а её маманя отправилась на пенсию. Так хорошо получилось, так складно, что лучше и быть не могло. А вот любила ли бабушка Катю? Или всё же не любила? Во всяком случае, свои чувства бабулечка не выставляла напоказ. Водилась с девочкой исправно. Так и жили не торопясь. Но судьбе свойственно преподносить сюрпризы. Катя ещё на четвереньках ползала, как собачка, а Рита уже снова почувствовал, что не одна. Они с Витей пытались предохраняться, но где-то что-то упустили, и в Ритулькином чреве поселился новый живчик.

– Вот ироды! Настрогали детишек. Не им водиться, – ворчала вечно всем недовольная старшая женщина в доме. Катя только говорить начала, осваивала первые слова, а в дом уже принесли в кулёчке ещё одно чадо.

– Батюшки! И снова девка! – ахнула теперь уже дважды бабушка. Катя строила замок. Девочка сидела на полу в обществе деревянных кубиков. Она не понимала, чему так радуются взрослые. Катя подняла голову, отвлеклась от своего занятия и принялась внимательно наблюдать за оживлёнными родителями. На диван положили свёрток. Мама бережно развернула этот странный свёрток, а там оказался маленький сморщенный человечек.

– Вот, Катя! Это пупсик. Это твоя сестра, – глаза матери светились любовью.

– Тюсик? – Катя разглядывала смешное сморщенное личико.

– Пупсик, – улыбалась довольная молодая мамаша. Двое детишек... Разве это не счастье?

– Не надо тюсика, – заныла Катя. Совсем соплюшка, а сумела предложение составить! Ей не понравился детёныш в кулёчке.

– Тогда давай тюсика в лес отнесём, – захихикала бабушка. Нашла старая, что сказать ребёнку!

– Не надо тюсика в лес, – пролепетала Катя, суксилась и заревела громко в голос. Ей стало жалко беззащитного тюсика. Витя подхватил на руки рыдающую дочку:

– Не плач, Катенька!

Катя перестала плакать. Папа её любил. Мама её любила. А с тюсиком пусть бабушка разбирается.

– А эту красотку как звать будем? – разбил её надежды папа.

– Эту назовём Ниночкой, – засмузилась молодая мать.

– С чего ради? – ахнула бабуля.

– Я так хочу! – так звонко получилось, что Рита смутилась и потупила глазки. Ниной звали акушерку, что принимала роды. И пусть эта девчонка вырастет и свяжет свою судьбу с медициной. Так Рита загадала, так она хотела.

– Имя какое-то неместное. Нина. Ну точно, басурманское, – ворчала бабка. А что? Две внучки имелось в наличии. Бабка и есть бабка! Красотка, что возлежала на диване, вдруг закухталась и запыхтела. Молодая мать бросилась менять пелёнки. А потом это совсем неприятное существо с наслаждением чмокало мамину титю. Из тити Катя давно выросла, но такой подлости от тюсика она не ожидала. Катя хмуро наблюдала за процедурой кормления с папиных коленок. Бабуля покорно удалилась полоскать пелёнки.

– Ой, Витя, тяжко будет с двумя, – запоздало сообразила Рита. И вроде жаловалась, а у самой глаза так и сияли от счастья.

– Ритулик, мы справимся, не переживай, – улыбался в ответ Витя. – Да и тёща всегда поможет.

– Какая я тебе тёща? – всплыла в комнату маманя. Она что, подслушивала?

– Зятёк недоделанный! Ты сначала с моей дочкой официально в ЗАГСе распишись!

– Так мы давно расписались, – не остался в долгу Витя.

– Когда это успели?

– А когда Катеньке документы выправляли, делали свидетельство о рождении, тогда и расписались.

Бабушка семейства растерянно оглянулась на дочку. Та закивала головой.

– Вот охальники! Хоть бы сказали! За человека меня не считаете.

– Мы и говорим, мама, – Рита покорно поддакнула. Вот ведь дела какие – во всём потакает мужику! Надо бы радоваться, а ей, Лебедевой Александре Николаевне, всё было нехорошо, да всё неладно. Во всех своих бедах эта пожилая уже женщина привыкла винить кого угодно, но только не себя. Поэтому, наверное, у неё и в личной жизни не очень хорошо сложилось. Рита, как истинная дочь, жалела мать и не хотела её лишний раз обижать. Она вообще от природы слыла человеком щепетильным и боялась ненароком зацепить кого-либо, обидеть грубым словом.

– Я взяла фамилию Вити, – тихо доложились Рита.

– Фу! Некрасивая фамилия! – вставила свои «пять копеек» тёща.

– Фамилия, как фамилия, – пожал плечами зятёк. – Нас теперь таких четверо и все Тюркины.

И все четверо посмотрели на тёщу. В ответ тёща неопределённо хмыкнула. Явно, что физический перевес оказался на стороне зятка. Шура спешно удалилась в огород. Ей вдруг захотелось свеженького только с грядки укропчика сорвать.

– Ну что, папулик, делать будем? – шептались, сидя на диване супруги.

– Даже не знаю, мамулик. В клубе кино новое сегодня крутят, – мужчина сделал выразительные глаза.

– Ты зовёшь меня в кино? А как же дети?

– Дети с нами будут, и мы никуда не идём. А в кино пусть отправляется тёща.

– Как в кино идёт тёща? А мы?

– А мы побудем наедине своим семейным кругом Тюркиных.

– Наедине? Ты – гений, папулик!

– Конечно, я гений! Кино классное, индийское! Будем целых три часа кайфовать.

– Я пошла маме сообщу.

– Ага.

– Мамулечка, ты всё трудишься, дорогая, – донеслось уже из кухни.

– Что это ты такая ласковая нынче? – тёща насторожилась.

– Сегодня кино индийское в клубе крутят. Сходи, развейся, – подмазывалась к матери Риточка. Она хитро улыбнулась.

– А что? И схожу! – тёща Александра Николаевна посмотрела на часы и заторопилась. – Только вы тут без меня третьего не настройте!

Для пущей убедительности пенсионерка погрозила дочери пальцем.

– Что ты, мама. Мы ни-ни! – клятвенно заверила Рита. Заверить-то она завершила. Как без этого! А вот пальчики на правой руке у девицы были скрещены. Выполнять своё обещание она не собиралась. Так то!

– Знаю я ваше ни-ни. Так и вы знайте! Водиться я с тремя не буду, – и уже спокойнее добавила, – Не потяну я трёх бесенят.

– Вот и отдохни, мамулечка, – залебезила дочка. – Мы и сами справимся. Я знаю, ты любишь индийские фильмы.

– Да кто же их не любит? Ну ладно, я побежала.

– Кошелёк не забудь! – крикнула вдогонку дочка.

– Зачем? Я в карман мелочи положила.

– Билет дорогой, двойной!

– Ох ты! Надо же сорок копеек! Хорошо, я на всякий случай, рубль возьму, распорядилась взволнованная мать.

– И плащ надень! Вечером прохладно, – скомандовала великовозрастная дочка. В этот вечер они с матерью словно поменялись ролями.

– И то, правда, – не перечила Шура. Хлопнула дверь. Рита глянула на настенные часы. До начала фильма осталось минут двадцать. «Успеет», – беззаботно подумала Риточка. Клуб рядом. Добежит по тропинке напрямую. Ещё совсем светло, и солнце пригревает. Обратного будет идти не так весело. Стемнеет, и с небес опустится прохлада. Трава покрывается росой. А пока пахло скошенной травой. Хоть и деревня, а улочки ухоженные, чистые. И да, здесь в этой деревне со смешным названием Поповка, всё располагалось рядом. Вся деревня – одна улочка. Друг за дружкой были построены деревянные с характерными очертаниями здания – начальная школа, столовая, сельский клуб. Контора льнозавода была чуть в стороне. Да и сам льнозавод располагался в бывшей церкви на окраине.

– Ну, мамулик, укладывай спать Ниночку. А Катя пока поиграет с новой куклой. Да, Катерина?

– Хорошо. Вот кинь на пол старое одеяло. Пусть ползает по нему, – потом обратилась к старшей дочери: – Играй, Катенька. А мы с папой пока в другую игру поиграем.

– Мамулик, давай пошалим!

– Иди сюда в спальню. Да тише ты! Ребёнка напугаешь, – Ритуля устраивалась поудобнее на кровати. Витя оголился и сунул руки жене под халатик.

– О, ты уже трусики сняла! – восхитился папашка двух девочек. О сыне он уже не мечтал, но наслаждения от секса никто не отменял.

Катя играла с новой куклой. Мама сказала, что это «Маша». Ещё она сказала, что Маша пришла в гости к Кате. Маша была мягкая и приятная наощупь. Очень красивая кукла. Голова у Маши была фарфоровая с настоящими волосами. На Катю смотрели голубенькие нарисованные глазки, а розовый ротик улыбался. Катя подражала матери. Она уложила Машу спать, заботливо укрыла её папиным большим носовым платком. Маша покорно байкала в своей импровизированной постельке. Катя пела ей колыбельную. Катя пела задушевно и на своём детском наречии. Папа с мамой барахтались в спальне. Их колыбельная не цепляла совсем. Сестрёнка Нина сопела в своей деревянной кроватке. Ей было всё равно, чем в данный момент занимались папа и мама. Ниночку интересовали совсем другие дела, типа пустышки во рту и пушистые облака, что ей снились.

Бабушка Шура наслаждалась импортной кинолентой. Шура обожала фильмы про знойных красавиц с приметными оригинальными пятнышками во лбах и непременно со слонами. Эти большие прекрасные животные завораживали пенсионерку своей тяжеловесной грацией. А какие песни там пели! Как зажигательно отплясывали! Огонь! И не важно, что песни не переводились. И так понятно, что про любовь. К концу первой серии у Шуры по щеке покатилась одинокая слезинка. Не то героиню стало жалко, не то песня затронула это закалённой невзгодами войны сердце. Муж не вернулся, погиб ещё в первый год военных действий в 1941 году. Шура до сих пор помнила его сильные руки, густые усищи под носом. Она требовала тогда сбрить поросль, а муж не соглашался. Он говорил, что так ходили его предки – дед и прадед, и отец тоже. Все носили усы. Помнила Шура, как была счастлива те немногие годы, что они успели прожить вместе. Счастливые мирные годы летели, как птицы, а вот военные горькие дни тянулись бесконечной чередой. Хорошо, что она успела родить дочку. Было для кого жить теперь. Правда Николай, как и все мужики, мечтал о сыне. Не успели. У Ритки были папины глаза. У Александры сердце обрывалось, когда дочка смотрела на неё исподлобья. Такие же большие светло-серые немного лучистые глаза были у Николаши. Обе внучки, как по заказу получили дедушкины глазки. Они будут знать про деда только по фотографиям, а их сохранилось совсем немного. Целое семейство сероглазых. Зато зять смотрел на своих родичей удивлёнными карими, даже почти чёрными очами. Про намечающегося зятя Шурочка узнала совсем случайно. Вот Ритка-партизанка! До последнего скрывала кавалера. Или боялась, что мать запретит? Взрослая же девица! Пора свои мозги включать не только на работе, но и дома.

Когда Шура дорабатывала недостающий для стажа год до пенсии, то ей пришлось согласиться на неблагодарный труд в смене на льнозаводе. Было очень трудно приспособиться к физическому труду. До этого момента Шура трудилась школьным учителем, а в этой глуши решила осесть после выхода на пенсию. А что? И у Риты имелось неплохое и весьма непыльное местечко в конторе льнозавода. Так вот, в одну из смен к Шурочке подскочила в перекур кумушка из соседней деревни и сходу заявила:

- К твоей Риточке наш Витька захаживает. Видать приглянулась девка.
- Какой ещё Витька? – неприятно удивилась тогда Шура.
- Слесарь наш, Витька. Он в общаге с парнями живёт.
- А сам парень откуда?
- Витька-то? Местный он, Солмасский. Его отец Мишка пропал без вести в 1943 году.

Хороший мужик был, работающий.

- А мать?
- Что мать? – не поняла собеседница.
- А мать Вити, кто она?
- Да никто, обычная деревенская баба. Мишка её в райцентре подцепил. Привёз в деревню, жить с ней стал, как с женой.

- Как это привёз?
- Ну, ездил по делам в город и привёз себе жену.
- Разве ж так можно?
- Бабы судачили, что его жена Лизка цыганка. Сама смуглая, глаза карие и косы чернушие будто змеи.

- А где она трудилась?
- Так в совхозе «Светлый путь» дояркой много лет робила. У неё кроме Вити ещё и дочка народилась. Тоже смуглая да кареглазая. Вся в мать...

- А почему все думали, что она цыганка?
- Кто? Лизка? Так она же неграмотная!
- А как она зарплату получала?
- Как все и получала. В ведомости Лиза вместо подписи ставила крестик.

- Ей так зарплату выдавали? – не поверила бывшая учительница.
- Выдавали. А как по-другому?
- Действительно, никак...

Шура тогда была поражена до глубины своей начитанной и вполне благородной души. Люди в космос полетели, а тут такое. Кто-то из развитой советской страны, добро бы из капиталистической какой, так нет же, из нашей, кто-то совсем не умел ни читать, ни писать. Ужас! Дичь какая! Сама Шура не могла себе представить жизнь без книг. Она в редкие минуты свободного от трудов праведных времени буквально «глотала» книгу за книгой. Читала их запоями. Шурочка зачитывалась классикой и современной литературой. Её ровесница, а теперь ещё и родственница не имела такой возможности. А разница в чём? Они всего лишь появились на свет в разных семьях. Елизавета – Лизонька родилась среди нищеты, и ей по большому счёту совсем нечего было вспомнить из своего детства. Шура, Александра пришла в жизнь желанным ребёнком. Её баловали, дарили игрушки, наряжали в красивые платья. У Шурочки была сестра и брат. Ей вообще поначалу очень повезло с семьёй. Батюшка – сельский священник, матушка никогда не работала. Они не были богаты, но жили в достатке, в том самом достатке, когда имеешь всё самое необходимое и не задумываешься о хлебе насущном. Разумеется в такой продвинутой семье, Шурочка получила достойное в то время для девицы образование. Среднего роста, не красавица, но с очень милыми чертами лица, девушка смело глядела в будущее. Она намеревалась учительствовать и достигла на данном поприще заметных результатов. Александра входила в класс с гордо поднятой головой и преподавала детишкам знания начальной школы. Александра свято верила, что сеет разумное, доброе, вечное, и что без неё окружающий мир рухнет. Ну или не совсем рухнет, а будет немножко не таким ярким и солнечным.

– Здравствуйте, дети! – входила в класс Шура.

– Здравствуйте, – нестройно отвечали детишки. Их было много в классе, как правило, до тридцати человек. Всех их Шурочка любила, дети платили тем же. Они обожали свою учительницу.

– Александра Николаевна! Александра Николаевна! – галдели детишки даже на перемене и задавали кучу разных и не всегда приличных вопросов. Шурочка наивно полагала, что её дочь пойдёт по стопам матери и продолжит династию педагогов. В большом семействе с многочисленными дядечками и тётеньками почти все женщины получали педагогическое образование. Это даже не обсуждалось. Ритку понесло учиться на бухгалтера. Хорошо, что не на сантехника! Эта дуратская мода на равноправие бесила Шурочку. И вот к чему привела эта вольность. Девка выскочила замуж за обычного слесаришку! Могла бы сделать себе партию и получше. Слава Богу, зятьёк закончил семь классов и мореходное училище. Не совсем безграмотная дубина. Даже книжки иногда читал. Ну да от серенькой невзрачнейшей Ритки трудно было чего-то другого ожидать. Такая «серая мышка» и не могла бы завлечь обаятельного непременно высокоинтеллигентного мужчину.

- Зря ты с этим Витькой связалась, – кастила во все корки Шура дочку.
- Мама, он хороший, – только и смогла сказать Ритка в своё оправдание.
- Он обыкновенный!
- А мне другой и не нужен.
- У парня ни образования, ни профессии ходовой!
- Мама, сейчас слесаря везде нужны. Страна вообще нуждается в рабочих руках.
- Ну-ну! Тебе-то зачем нужны эти рабочие руки? За хлебушком ходить?

– А хоть и за хлебушком ходить! – ругалась с матерью Рита и тайно бегала к озеру на свидания с Витей. Было лето, и высокая трава скрывала их ярко вспыхнувшую страсть. По деревне ходили неясные слухи, но неподтверждённые. На парочку никто пока не наткнулся. А потом и вовсе слесарь Витя пришёл жить в их маленький, но очень уютный домик. Мужик

принёс с собой стойкий запах прелого льноволокна, что обычно обитал в цеху глубокой переработки. Принёс и деревянный чемоданчик с запасными носками, трусами и парочкой клетчатых рубашек. Тёща ворчала, рассказывая соседке:

– Нашёлся женишок! Нищий да, как клоп, вонючий.

– Чем от него пахнет-то? – заинтересовалась соседка.

– Так льняной переработкой и пахнет.

– Так это же хорошо. Радуйся!

– Чему тут радоваться?

– Не колхозник – уже хорошо. Не воняет навозом.

– Ну да, – растерялась Александра. Рабочий – не колхозник! Дурно пахнуть не может.

Пришлось тогда Шуре смириться. Больше она себе уже не позволяла лишней брани и не мечтала о срочном выселении молодых. Шурочка продолжала кастрить Риточку, но уже мысленно.

Глава 2. Угомонитесь, ироды!

Однажды Шура представила, как живёт одна-одинёшенька, как бродит по избе из угла в угол, и её пробил холодный пот. Одной не интересно да и голодно. Стандартная пенсия составляла всего 35 рублей. Не зажируешь. С ребятами жить веселее. Это благодаря весёлой жизни появилась на свет Катя. В ту зиму особенно бурно встречали новый год. Плясали прямо на улице, бегали по гостям и на танцы в клуб. Молодые быстрые, горячие, конечно, забыли о том, что надо бы предохраняться, забыли во время использовать «резиновое изделие № 2». Так в один из праздничных вечеров и наметилось рождение Кати. Так и получилась внучка Катенька, осенняя девушка. А потом и Ниночка нарисовалась. Пришлось повозиться с детьми, и это были приятные хлопоты. А стареть бабе Шура совсем не хотелось. Александра ещё была полна сил и энергии. Вот и тратила старушка свои силёнки на внушек. Отгоняла воспоминания о погибшем на войне муже. Боль утраты лишь притупилась за пролетевшие годы. Чело- века давно уже не было, а она всё продолжала его любить. Так получилось. Шура помнила своего Николашу и продолжала его любить. Наверное потому, что он был настоящим мужчиной. Образованный и умел деньги зарабатывать. Редкое сочетание. Он работал инженером, а когда познакомился, то красиво ухаживал за Шурочкой. Миловидная Шурочка очаровала парня своей скромностью и воспитанностью. Барышня из интеллигентной семьи умела производить нужное впечатление на молодых людей. Надо сказать, что Николаша понравился папе и маме. Мама очень придирчиво относилась к Шурочкиным кавалерам. Как и все мамы, она желала дочке только хорошего, желала настоящего женского счастья. Это желание счастья не было современным, от него пахло чем-то буржуазным. Тёща мечтала гордиться зятем. Её мечта сбылась. Счастье порушила война. Война всё всегда рушила.

Ритку помогали воспитывать дедушка с бабушкой. Способная девочка росла. В меру болезненная. Ну и вредная. Нельзя было ни на минутку оставить одну. Ритка страсть как любила куклам обновки шить. Старательно возилась с ножницами и иголкой. Кроила из лоскутков куклам бальные платья. Все куклы у неё были принцессами. Ритка – девка негордая, могла и из простынки что-нибудь смастачить. Вырежет из середины простыни кусок ткани и ну давай платью свадебное пупсику шить! Та ещё оторва! Вот и стояла потом в углу, плакала. А как ещё девчонку наказывать? Не ремнём же! Вот и придумала Александра тогда педагогический приём. На видном месте вешала на гвоздик ремень младшего брата. Пряжка тускло отсвечивала, выдавая тем самым старый проверенный металл. При случае широкий ремень мог ударить пребольно. Но он там висел не для физической расправы. Ремень висел для наведения страха.

– Вот, Ритка, надеру я тебе задницу этим ремнём! Будешь знать, как безобразничать! – поджав губы говорила грозно Александра своей малолетней дочери.

– Мамочка, не надо! – редела испуганная Ритка. – Мамочка, я больше не буду!

– Тогда иди в угол и поразмысли там над своим поведением.

Ритка всхлипывала, тёрла кулачком покрасневшие глаза и отправлялась в дальний угол комнаты в изгнание. Ритка сердилась на мать. Она не понимала почему нельзя шить куклам обновки. История повторялась ровно через неделю. Снова Ритка разрешила простынку. Это была новая простынка и Ритка не сумела удержаться. И снова её мать застукала на месте преступления, и снова девочка Риточка сердито сопела в углу.

– Ритка, я тебя побью! – грозила мать. Она уже порядком устала от проделок глупой девчонки.

– Я больше не буду, – лепетала Рита, но её злые глаза говорили весьма красноречиво об обратном.

– Ритка, ты изверг. Ты упрямец, – сердилась Шура.

– Папа, – лепетала Ритка. Был бы жив папа, он бы её защитил. Он был большой, добрый. Он бы просто посмеялся над испорченной простынёй. Но папы нет. Он никогда больше не войдёт в комнату. Никогда не поднимет Ритку высоко-высоко под потолок. Ритка ещё помнила, как она хохотала довольная, когда папа так её подкидывал вверх. Давно это было. В той ещё безмятежной довоенной жизни. Ритка не помнит папиного лица, но помнит его сильные руки.

А сейчас Ритка стояла в углу и тихо подвывала ветру, что шумел за окном. Она устала плакать, слёзы уже не катились по щекам. Она скучала по папе, а в такие моменты жизни даже маму ненавидела. Почему так? Мама здесь злая и вредная, а доброго папы рядом нет? Кто виноват? Потом злость на весь белый свет проходила, и Риточка снова обожала маму и боялась строгих бабушку и дедушку. Риточка не могла ненавидеть маму. Наверное, это было другое чувство. Наверное, Риточка просто обижалась на маму за то, что папы рядом нет.

Повзрослев, Рита поняла, что винить мать в смерти отца бесполезно. Она тут не причём. Но детская обида занозой засела в сердце.

А теперь у Риты была своя семья. У неё есть Виктор! Виктор незаметно тихой сапой захватил сердце Риточки. Он вытеснил оттуда детскую обиду и поселился полновластным хозяином. Такой надёжный Виктор, такой родной. Риточке он казался самым красивым мужчиной на свете. И он любил Риточку. Он хотел Риточку. Риточка таяла под его ласками, становилась податливой будто воск и по-настоящему счастливой. А потом появились девочки одна за другой. От кормления грудью женщина испытывала наслаждение сравнимое с оргазмом. Это было настолько острое чувство, что Риточка тихо постанывала от наслаждения. Семья стала для неё неиссякаемым источником радости. Всё спорилось в руках у женщины и дома и на службе. Всё получалось, как по волшебству.

– Теперь всё будет хорошо, – говорила её мать Александра. – Война позади. Надо жить дальше. За себя и за тех, кто не выжил.

Они и жили дальше. Жили, как умели. Александра тихо плакала по ночам. Молилась. Что-то шептала непонятное. Как-то раз Риточке удалось разобрать несколько слов:

– Какой же ты бог, если допустил эту бойню?

И снова Шура плакала. Тихо рыдала в подушку, как девчонка. Теперь, когда появились внучки, её сердце словно оттаяло. Она стала вдруг добрее и уязвимее. Или это возраст такой?

– Ритка, я боюсь за жизнь девочек, – заявила как-то пенсионерка.

– Мама, мы живём в мирное время. Наша страна огромная и богатая.

– До войны мы тоже так считали.

– Мама, перестань. Ты же не боялась, родила меня.

– Это другое, – возразила Александра.

– Это то же самое. Я тоже хочу женского счастья.

На этом разговор и закончился. Каждая женщина осталась при своём мнении.

А женское счастье в качестве маленькой Кати принялось бойко осваивать окружающий мир. И не только осваивать мир, но и осознавать собственное «я». Катя сначала уверенно ползала на четырёх конечностях, потом отправилась в недалёкое путешествие по комнате на двух ногах. Короче, девка уже делала первые ещё неуверенные, но самостоятельные шаги. Говорить начала рано, скупно выдавая короткие, но ёмкие слова. Начинала, как и все, с традиционного – с «мамы», с «папы». Слово «баба» у девочки долго не получалось. Потом пошли вариации: «Дым, дом, лужа, яма!»

Баба Саша плотненько вошла в её жизнь вместе с книжками с картинками.

– Ешо, ешо! – кричала внучка Катенька, когда бабушка закрывала книжку с яркой картинкой и крупной надписью «Колобок». Бабуля охрипшая от разговоров и многократного чтения громко чётко ясно вслух бессмертного произведения, совала внучке в руки блокнот и карандаш.

– Бу-бу-бу! – ворковала Катенька усердно чиркая карандашиком по шероховатым зелёным страницам дешёвенького блокнота.

– Катенька, что это ты такое нарисовала? – бабуля рассматривала детские каляки-маляки. Не то гений намечается, не то полная идиотка. Пустое! Рано ещё об этом думать. Пока надо всё же ребёнка поощрить за целых пятнадцать минут передышки.

– Мама, – гордо выдала Катя. Глаза честные-честные. Ниночка барахталась рядом в ползунках. Большой Катерине с ней ещё пока играть было неинтересно.

– Разве это мама? – посмела усомниться бабуля.

– Мама!

– Наша мама немного посимпатичнее, – не согласилась Александра. А надо было соглашаться!

– Мама! – заревела вдруг Катя. Её рёв из солидарности подхватила Ниночка. Чтобы её протест выглядел посolidнее, Ниночка истоиво затрясла погремушкой. Бабуля чуть не оглохла от этой какофонии. Она погладила Катю по головушке, взяла на руки Ниночку. Ох, надо как-то умирять «домашний концерт по заявкам». Девочки устали и спать захотели. Бабуля Нину качала на руках, а Катя сама укладывалась под одеяло. Бабуля задушевно выводила колыбельную:

– Придёт серенький волчок

И ухватит за бочок!

И утащит во лесок...

Катя любила эту песенку. Сначала она совсем не понимала её смысла. Волчок ей представлялся в виде игрушки, что мама заводила девочкам. Юля крутилась быстро-быстро и жужжала. Она даже побаивалась эту бегающую игрушку. А Ниночка и вовсе лезла к маме на ручки. Ну да она всегда к маме на ручки нарахтитесь. «Нарахтитесь» – это слово Катя сказать ещё не могла. Не получалось. Это слово любила говорить бабуля. Она вообще любила всякие сложные труднопроизносимые словечки.

У бабули был тихий мелодичный голос, и он успокаивал. После этой глупой песенки про какого-то волчка Катины глазки, как по команде, закрывались, а реснички склеивались. Во сне Катя летала. Она парила где-то среди облаков широко раскинув руки.

– Баба, я летала! – радостный вопль огласил скромную спальню.

– Катенька, где ты летала?

– Там! – Катя показала пальцем вверх.

– На потолке? – смеялась бабуля.

– Не. Там! – пальчик сердито показывал вверх.

– На крыше? – ухмылялась баба.

– Не. На небе! Вот! – Катя начинала хмурить бровки. До чего эти взрослые непонятливые!

– Ты, Катенька, спала и летала?

– Да! Я сама!

– Это хорошо.

– Почему?

– Летаешь во сне, это значит, ты растёшь.

– Можно, я ещё полетаю?

– Не сейчас, дорогая. Будет ночь. Мы все ляжем спать. Вот ты и полетаешь.

– А ты летаешь?

– Нет, милая, я уже не летаю.

– Ты выросла?

– Я давно уже выросла. Я старенькая.

– Ты не старенькая. Ты большая.

– Я давно уже большая.

– Ты... красивая, – Катя посопела немного перед словом «красивая». Она ещё до конца не понимала значения этого слова. Лето для неё тоже было красивым.

За окном и бушевало это самое лето. Это было уже другое лето. Катя подросла. Она сама заметила, что стулья в доме стали меньше размером. И под стол пешком уже не сбегаешь. Мама ходила на работу. Бабушка всё больше занималась Ниночкой. А Катя с каждым днём становилась самостоятельной. Ей уже разрешили играть в кукольном домике. Папа построил рядом с их домом кукольный домик из досок. Домик был невысокий, как раз для маленьких девочек. Там внутри были две лавочки и стол. Домик закрывался настоящей дверью настоящей дверной ручкой. А в окно было вставлено стекло и тоже настоящее. Всё, как у взрослых. У подружки Маринки не было такого домика, поэтому она часто бегала играть к Кате. До Маринки было бежать два дома. Катю туда одну не отпускали. Маринка была старше и много знала. Маринка всему училась у своих двух старших сестёр. А сейчас они с Маринкой беззастенчиво тырили с грядок клубнику. А что? Мама и папа на работе, а бабуля занята Ниночкой. Ягодки клубники так и манили.

– Выбирай красивые красные, – учила подружку Маринка. – Они ещё и пахнут вкусно.

– Ага, – кивнула Катя и запихала себе в рот довольно большую, но подозрительно белёсую ягоду. – Фу, кисло!

– Возьми вот эту, – Марина по-хозяйски сунула Кате в руку небольшую, но очень сочную ягоду.

– Вкусно, – засмеялась Катя и испуганно посмотрела на окно. Бабушки не видать? Окошко было открыто и занавешено куском натянутой марли. Там с той стороны марли тоже что-то происходило.

– Баю-баюшки-баю! – тихо напевала бабушка. Нина нынче долго засыпала.

– Девчонки, где вы? – Это пришла другая соседка – Валя. Валя по меркам Кати была совсем большой. Почти такой же большой, как папа и мама.

– Мы тут! – отозвалась Катя.

– Вылезайте из огорода, – выгнала Валя шпионок из клубничных грядок. – Пойдём поиграем в домике.

– Во что мы будем играть? – это уже Марина подала голос.

– Давайте поиграем в феечек, – предложила Валя. Эта девочка с ярко голубыми глазами и тяжёлыми тёмными косами всегда строжила подружек. На то она и большая!

– Кто такие феечки? – спросила Катя. Она не видела феечек на картинках. Они с бабой Шурой не читали книжек про феечек.

– Это такие маленькие девочки с крылышками, – пояснила Валя.

– Как у бабочек? – полюбопытствовала Маринка. Её стриженные волосы цвета соломы казались маленькой Кате загадочными.

– Нет, как у стрекоз, – уточнила Валя и повела девочек в домик. – Феечки и сами размером со стрекозок.

– Из чего мы будем делать феечек? – захихикала Марина.

– Из цветочков, конечно. Вот я их принесла, – Валя продемонстрировала букетик из полевых цветов.

– Ура! Мы играем в цветочки! – обрадовалась Катя.

– Разве ты не спишь днём? – спросила Катю Валя. Валя даже у взрослых считалась серьёзной и рассудительной девицей. Она готовилась в будущем стать учителем. Катя её очень уважала. Сама она собиралась стать большой, носить туфельки на каблучках и маленькую дамскую сумочку. Все большие девочки так ходили и дробно цокали каблучками.

А между тем Ниночка подрастала и с ней становилось всё интересней играть. Катя научила Ниночку прыгать на диване. Ниночка так увлеклась, что не заметила, как и пустила струйку.

– Бесенята... Не ссать на диван! – ругалась бабуля и грозила сёстрам пальцем. – Из-за вас из дивана скоро змеи ползут.

– Что такое змеи? – за двоих спросила Катя. Ниночка ещё бессвязно лепетала междометиями. Младшая уже поняла, что сделала плохо. Бабуля сердится.

– Змеи – это такие большие длинные червяки, – нашла бабуля. Попробуй объясни малявкам про рептилий! Ни за что не поймут.

– Боюсь червяков! – закричала Катя и поспешила слезть с дивана.

– Ой-ёй! – сказала громко Нина и тоже вслед за сестрой слезла на пол. Они бегали по дому без трусиков и не всегда успевали присесть на горшок. Девочки бегали в простеньких платицах, и младшая носилась за старшей во всём ей подражая. С Ниночкой уже можно было поиграть в догонялки и кричалки. Когда с работы приходила мама, начинался суший кавардак. Катя и Нина бежали навстречу к маме, скакали вокруг неё и галдели.

– Мама, мама, мама, – без конца кричала Катя.

– Мама! Мама! – не отставала от сестры Ниночка. Папу с вечерней смены они тоже бурно приветствовали.

– Третью смену точно не будут набирать? – заволновалась однажды мама Рита.

– Не думаю, мамулик, – успокоил её папа Витя. – Мы и так справляемся. Льнозавод без напряжения выполняет план по заготовке льноволокна.

А потом наступила осень. Этой осенью они всем семейством впервые отправились в клуб в кино. Катя, как и все дети, не любила одеваться и ужасно капризничала. Сначала её снаряжали на улицу, а потом Ниночку. Ниночка медленно переставляла свои маленькие ножки, и поэтому ехала верхом на папе. Катя, как большая, шагала сама. В клубе её посадили папе на колени. Нина уселась к маме. Замелькали картинки. Катю оглушили странные звуки, льющиеся сами собой с экрана. Катя пыталась смотреть на экран, но глаза вдруг захлопнулись. Как-то так получилось, что Катя продрыхла весь фильм. Её еле растолкали. Обратились медленно. Катя проснулась, но еле переставляла ножки, держась за мамину руку. Ниночка и обратно ехала на папе. Вот везунчик! Катя вдруг совсем остановилась. Мама подсвечивала тропинку фонариком. Катя оглянулась по сторонам. Девочку пугали тёмные кусты, ветер, пробежавшийся вдоль тропинки. А на небе вдруг засияла серебром Луна. И звёздочки яркие-яркие!

– Катенька, пошли домой! – позвала мама.

– Во! Огни! – показала пальцем в небо Катя.

– Это звёзды, – пояснила мама и потянула дочку к дому. Был тихий субботний вечер. По воскресеньям никто не ходил на службу. Все отдыхали. Ещё утром, едва открыв глаза, Катя узнавала, что наступило воскресенье. Пахло пирогами. А ещё в тот день Катя узнала, что такое учёба.

– Катенька, ты не той ручкой ложку держишь, – приступила к экзекуции баба Шура.

– Доченька, надо ложку брать в ручку, которая ближе к печке, – подошла мама. И мама туда же! Катя заревела. Рука, что была правильной, плохо держала ложку, пальчики не слушались. Ложка вываливалась из непослушных пальцев. Катя ненавидела эту ложку! Лучше есть руками, чем так мучиться. А бабуля всё строжила и была непреклонной. Как-то раз даже привязала верёвочкой неправильную ручку. Катя капризничала. Кате всё это не нравилось. Катя сопротивлялась. А Нинка-негодница задорно махала ложкой в той руке, как надо. У неё у мелкой всё сразу получилось. Старшая сестрёнка страдала. Страдала, злилась и бычила. Девочка смотрела на взрослых из-подлобья мрачно.

– Катенька, поешь супика, – почти умоляла мама Рита. Во хитрюга! Ей надо, чтобы Катяковырялась ложкой да ещё и держала её в правильной руке.

– Не-а, – мотала головой Катя. Супчиков с некоторых пор Катя не взлюбила. Супы же ели ложками! Она обожала пироги. Их можно есть обеими руками. А самые вкусные были, конечно, сладкие ягодники.

Больше всех повезло Ниночке. Следующим летом Нина подросла настолько, что уже пыталась играть с остальными девочками. Прибегали поиграть в кукольный домик Надюшка, Валя, Маринка. Валя иногда приводила Серёжу, младшего братика. Серёжа нравился Кате. Детишки всей кучей ковырялись в песочнице, самозабвенно лепили куличики, строили дома и замки, дороги и плотины. Даже иногда пускали ручейки. Катя обожала пальчиками трогать песок. Ей нравилось катать машинки с братом Вали Серёжей. Она его даже не била. Ну так, иногда могла немного треснуть, чтобы не расслаблялся.

– Самурай, – смеялся про Катю папа. Да она и выглядела, как мальчик. Мама стригла Катю коротко с чёлочкой и бакенбардами. Светлые серые глаза сочетались с прямыми тёмными почти чёрными волосами. Когда на Катю надевали брючки и курточку, она ничем не напоминала девочку. Ну и пусть! Ей нравилась такая стрижка.

А потом в самую жару Нина чуть не утонула. Хотя и тонуть, кажется, негде было. Между их домом и соседним был выкопан пруд. Он небольшой и неглубокий и считался неопасным. Почти лужа. Оттуда черпали воду для огорода. Мама поливала из лейки грядки. Девочки бегали рядом и мешались. Потом они занялись «рыбалкой». Папа научил! Если взять пруттик или длинную веточку ивовую, а к её тонкому концу привязать верёвочку, то получалась удочка. Такие удочки ребята забрасывали в пруд и ловили рыбку. Детишки стояли на краю прудика и ждали, когда «клюнет рыбка». Ниночка нечаянно соскользнула вниз и упала в воду. Катя смотрела на место, где только что рядом стояла сестрёнка. Девочку привлек необычный «бульк». Там внизу плавали какие-то пузырьки. И почему-то Нина сидела. Что сестра там внизу в воде делала? Додумать Катя не успела. Прибежала мама, вытащила Ниночку за волосы. Нина испуганная и непривычно тихая сидела потом на диване и пила тёплое молоко. Катю пугал этот белый платочек, что мама повязала на голову «утопленнице». Мама молчала, но лучше бы ругалась. Бабуля причитала:

– Угробили девку!

Катя с любимой куклой Машей забилась в угол под фикус. Она понимала, что с Ниной случилось что-то страшное.

После этого случая за девочками усилили пригляд. У отца случился отпуск. Теперь он больше играл с дочками. Ниночка днём ещё спала, а «большая» Катя играла в куклы в это время.

– Пойдём гулять, – позвал как-то папа Катю. – На улице солнышко.

И они вместе отправились в песочницу. Катя ковырялась совочком в песочке, лепила куличики. Ей было интересно. Только немного скучновато. Девчонки сегодня не пришли. Жили подруги рядом в соседних домах, но Катю одну никуда не отпускали. Ох, уж эти взрослые! Без подруг невесело. Она повертела головой. Папа! Папа прилёт на травке и прикроет глазки. Он не смотрел на Катю! Возмущённая девочка потрясла его за плечо. Никакой реакции. Ах, он гад, не присматривает за дочкой! Он посмел заснуть! Катя с негодованием топнула ножкой. Что делать? «Пойду и пожалуюсь самому главному человеку – маме!» – решила капризница. Сказано – сделано. Катя пришла домой и тут же наябедничала на папу. В этом своём поступке девица не видела ничего плохого. Папа же не стал играть с дочкой! Это было вопиющим нарушением семейной солидарности. Следом в дом притопал испуганный отец.

– Мамулик, я облажался.

– Папулик, что ты такой взъерошенный?

– Я заснул, – тут папашка принялся оправдываться. – Солнышко припекло, и вот...

– Дочку потерял? – съехидничала Рита.

– Потерял, мамулик. Каюсь.

– Папа, – Катя выглянула из комнаты. Ей хотелось посмотреть, как папу накажут. Вот ведь вредина! Не стал с Катей куличики печь.

– Папулик, ты больше так не делай, – пожурила Рита мужа. Она вообще была из породы людей, которые не умеют ругаться. И Катя обиделась. Папу даже в угол не поставили. Зато у Кати отобрали сосу. Любимую и многотрадальную резиновую сосу.

– Катенька, в сосике завелись червяки. Выбрось её в помойное ведро, – строго сказала бабуля. Катя заныла. Зачем ей червяки? Она всегда боялась этих маленьких противных зверушек. Девочка подозрительно оглядела сосик. Червяков не нашла. Но она привыкла верить взрослым.

– Не хочу сосю! – выбросила сосю в помойное ведро. «Прощай, верный друг!

Глава 3. Времена всегда тяжёлые.

Катя теперь большая. Катя сикала в горшок. С некоторых пор девочка Катя почувствовала себя старшей в семье. Её иногда лупила мелкая Ниночка. Как отвесит Кате оплеуху или ущипнёт побольнее! Та ещё злыдня. А Катя и сдачи сдать не могла, не смела.

– Катенька, ты старшая! Тебе нельзя бить маленьких. Ниночка твоя сестричка, и она маленькая, – строжила баба Шура. И не только строжила, ещё и в угол ставила. Катя дулась, сердилась, но не могла не подчиниться. Этот странный мир взрослых! Ниночку бить, так она большая, а гулять одной у дома, так Катенька ещё мала. Выручала Маринка. Они вдвоём играли в кукольном домике. К пруду не подходили, ни-ни! С сестрой играть Кате не нравилось. Нинка жульничала, игрушки отбирала, а когда за наглость получала заслуженный тычок, бежала жаловаться к маме.

– Мама! Меня Катька бьёт! – ныла негодяйка. Катя снова куковала в знакомом до боли в сердце углу.

– Мама, а Катька к Вале побежала, – тут же докладывалась Ниночка. Вот ведь гадина, и слова правильные подобрала. Про Валу Карачову мама не ругалась. Знала, что Валя – девушка серьёзная и присмотрит за егзой. Катя убежала от Ниночки. Пусть с Нинкой бабуля водится! Девочка бегала с Надей Щанниковой да Мариной Сусловой. Вот это были подружки! С ними и в огонь и в воду. И за деревню в лес вместе бегали. Бежали и знали, что нельзя. Бежали между деревьев и кустов, а сами опасливо оглядывались – видно крыши домов или нет. Пока видно – можно бежать.

– Смотрите, девки! Тут кто-то живёт, – показала пальцем Маринка под ёлку.

– Кто живёт? – распахнула свои голубые глазищи Надька.

– Баба-Яга... – таинственно шептала Маринка, и девчонки с визгом неслись обратно в деревню. Только пятки сверкали. У Кати в голове болтались слова: «Только бы не упасть». Был там кто под ёлкой или не был, казалось не важным. Главное, что удрали вовремя.

Зимой тоже было весело. Зимой катались на санках. Мама паровозиком связывала двоих санок и тащила по дороге. Катя и Нина балдели.

– Не замёрзли? – улыбалась мама Рита.

– Не-а, – качала головой Катя. Ниночка только смеялась.

– Побегайте немного сами, – выгоняла с санок мама. Кряхтя вылезали. Одетые как космонавты и по самые глаза замотанные в шарфики, девочки и двигались, как космонавты. Потоптались немного на месте. Чем заняться? Решили строить крепость. Для такого благого дела понадобились лопатки, ну и снег, конечно. Сопели, пыхтели, но крепость строили усердно. И согрелись заодно. Мама похвалила. Мама всегда хвалила, она ругаться не умела. Ниночка, конечно, не умела строить крепость. Зато вездесущая Катя бойко руководила процессом.

– Нинка, не топчись здесь. Иди туда! Да не туда, а вон туда! – размахивала руками Катя. – И в кого ты такая уродилась? Наверное, в бабу Шуру.

– Командирша, ты наша! – смеялась мама, поправляя на непоседливой Кате шапочку. Из-под шапочки вечно выбивался беленький простенький платочек. С платочком на морозе было потеплее, но поверх платочка всегда завязывался ещё и шарфик. Шерстяной розовый шарфик. Бе-е! Кате он не нравился. Катя не любила рукавички и валенки тоже не жаловала. Но с зимой не поспоришь...

– Катенька, давай валенки наденем, – бабуля фальшиво улыбалась.

– Яенки, яенки. – горестно вздыхала девочка и покорялась судьбе. Не считая этих мелочей, девочка любила зиму. Она любила кататься на санках. Любила лизать сосульки и снег. Любила вдыхать морозный воздух.

– Сег! Сег! Мого, мого! – восторгалась маленькая Катя, обозревая высокие белые сугробы. Она очень старалась выговаривать правильно, но язык не слушался. А потом пришёл декабрь. Взял и пришёл вот так без предупреждения. Никто его и не звал. Принёс с собой декабрь странную штуку – Новый год. Говорят, это праздник такой. Волшебство началось в тот день, когда папа принёс из лесу ёлку. Большое настоящее дерево пахло лесом. Папа водрузил ёлку в деревянный крест и поставил посередине комнаты. Мама бросила под ёлку вату и получились искусственные сугробы.

– Сег! Сег! – кричала Ниночка и показывала пальчиком под дерево. Девочку забавлял домашний снег. Мама принялась наряжать ёлку блестящими шарами и сосульками. Конечно, девочки не оставили мамины действия без внимания. Катя и Ниночка принялись усердно помогать маме. Они на ёлку тоже развешивали игрушки только по самому низу. Девочки прицепляли на веточки картонных птичек и аккуратные ажурные снежинки. Снежинки мама принесла из магазина. Их там делали, наверное. Катя знала, что магазин располагался за соседним домом на другом конце деревни. Катя туда заходила. Там, в этом магазине, много-много всего было. Иногда там продавали сахар. Большие сочные куски фруктового сахара пахли клюквой. Клюкву Катя не любила. Кислятина! А вот погрысть кусочек ароматного сахара – это да, она всегда. Нина, хоть и мелкая, не отставала от сестры и тоже любила сладкое. Мама Рита покупала девочкам конфеты, когда произносила волшебное слово «аванс». Девочки повизгивали от радости, прыгали вокруг мамы в предвкушении угощения.

– Кто себя хорошо вёл? – спрашивала мама больше для проформы, чем всерьёз.

– Я! Я! Я! – вразной галдели сёстры. Кто же откажется от конфетки? Сладкое любят все. А ёлка, что стояла посреди комнаты, призывала сказку в дом.

– Ёка! – восторгалась Ниночка.

– Красивая ёлка! – не отставала Катя. Она задирала вверх голову, пытаясь разглядеть под потолком звезду. Когда мама включала звезду, та сияла лампочками. Красивая красная звёздочка. Чтобы лучше видеть игрушки, а ещё чтобы их потрогать, девочки приставляли к ёлке стулья. Катя вскарабкивалась на стул, дотрагивалась до веточки, и начиналась сказка.

– Ты кто? – спрашивала Катя и дотрагивалась до беленькой игрушки, что висела на хвостной веточке.

– Я Снеговик.

– Ты из снега?

– Нет, я же не таю. Я стеклянный, – говорил Снеговик голосом Кати.

– Снеговиков лепят дети из снега. А ты маленький и на ёлке висишь.

– Я Снеговик, но меня сделали из стекла на фабрике игрушек.

– А ты кто? – потрогала девочка уже другую более яркую игрушку.

– Я луковица, – ответила золотистая игрушка.

– Тебя можно скушать?

– Нельзя меня скушать. Я же не настоящая.

– Ты не настоящая?

– Ага, я игрушечная.

– А ты кто такая? – Катя заинтересовалась соседкой блестящей золотистой луковицы.

– Я груша, – прошипела висюлька с румяными боками.

– Тебя тоже нельзя съесть? – недовольно скривилась Катенька.

– Тоже нельзя. Я же невкусная.

– А вы кто такие длинные и разноцветные? – Катя по очереди коснулась кончиками пальцев за блестящие присыпанные искусственным совсем нетающим снегом, витиеватые побрякушки.

– Мы сосульки.

– Можно, я вас полижу? Чуть-чуть.

- Нельзя! Мы не настоящие сосульки. Мы игрушечные. Нас сделали на фабрике.
- Фу, с вами неинтересно.

Бах! Игрушки засияли, стали ещё наряднее. Сказка продолжалась. Это мама включила лампочки. Маленькие такие разноцветные лампочки. Они сияли, но на них можно было смотреть. Глазки не зажмуривались. Под сиянием гирлянды игрушки словно ожили, зашевелились, подставляя бока под свет лампочек. Дождик, что свисал с самой верхушки и почти до пола, засеребрился.

- А кто там у нас под ёлочкой? – захотелось поиграть Кате.

– Там киса спит, – охотно включилась в игру Ниночка. Она залезла под ёлочку и лежала там на пузике, гладила кота. Кот был полосатым и непримечательным. Зимой котик Васька дрых целыми днями. Вот и сейчас под ёлочкой киса искал уединения. Он старался спрятаться от сестёр, но как показывала практика, зря.

– Киса, киса, – Ниночка гладила по спинке полосатика. Мама строго наказала, что за хвостик Ваську дёргать нельзя. Кисе это не нравится, котик будет драться.

- Кто ещё под ёлочкой прячется?

– Ниночка! – закричала Ниночка.

- А ещё кто под ёлочкой сидит? – раззадорила Катя.

– Дед Мороз и Снегурочка, – шёпотом подсказала баба Шура.

– Дедушка Мороз и Снегурочка! – закричала громко-громко сестрёнка. Под ёлочкой на самом деле стоял солидный Дед Мороз в шубе искристой и с палкой, что посохом называлась. Кукла Деда Мороза имела длинную бороду и шикарные усы. Большой и тяжёлый Дед Мороз Кате очень нравился. Девочка боялась его трогать. Бабуля громко ругалась, что девочки испачкают игрушку. Баба Шура говорила, что Дед Мороз дорогой. А Снегурочку можно было брать в руки. Мама принесла из магазина этого шикарного Дедушку и скромную пластмассовую Снегурочку. Снегурочку мама даже разрешила взять поиграть, и девочки подрались, не смогли поделить внучку Морозову. Мама повздыхала немного и после работы на следующий день снова ходила в магазин. Мама Рита принесла ещё одну Снегурочку. Ура!

– Мне! Мне! Мне! – кричала Ниночка и новая Снегурочка досталась ей, егозе. Катя залезла под ёлку и вытащила вчерашнюю Снегурочку.

– Девочка Снегурочка, ты теперь моя. Пойдём в гости к Ниночке. У Нины живёт другая Снегурочка.

Куколки оказались немного разными. У одной, Катинной красавицы, шубка была небесно-голубого цвета. А у Нинулькиной куколки шубка была нежно-зелёного цвета. Так даже лучше, не спутать.

- Моя куколка красивее! – заявила гордо Катя.

– Нет, моя Снегурочка лучше! – не осталась в долгу Ниночка. Нашли о чём спорить. Вот и всегда так.

А потом у папы с мамой был праздничный день. Они даже на работу не пошли. Мама напекла пирогов. Девочкам баба Шура налила в чашечки лимонаду. Лимонад вёл себя, как живой. Он шипел и пузырился в чашечках и даже немного плевался.

– Ой, щекотно! – засмеялась Ниночка, едва робко глотнула напиток. Девочки раньше не пробовали лимонаду.

– Как вкусно! – восхитилась Катя. Девочки смеялись и прихлёбывали газированный напиток. Мама ещё долила в чашечки. Хорошо! Катя рассматривала зелёную бутылочку с наклейкой. На наклейке был нарисован тот самый смешной мальчишка, с длинным носом. Бабуля про него книжку читала. Буратином называла.

- Буратино! Буратино! – заскакала веселясь Катенька.

– Буатино! Буатино! – подхватила Ниночка.

– Да никакого покоя, – заворчала привычно баба Шура. И какого ей покоя надо? Праздник же! Катя осуждающе поглядела на старушку. Мама завела музыку. Она достала круглую чёрную виниловую пластинку и поставила её в проигрыватель. Оттуда, из этой небольшой коробочки полились звуки быстрые, мощные, чарующие.

– Вальс, – сказала мама, а девочки беспорядочно запрыгали вокруг ёлки. Сегодня утром рядом с Дедом Морозом девочки нашли по кульку с подарками. Невзрачные такие серенькие бумажные кулёчки прятали вкусняшки. Там было по яблоку, по апельсинке, вафельке и по горсти шоколадных конфет и карамелек. Карамельки Катя тоже любила и с них и начала патронить свой подарочек. А Деда Мороза девочка боялась. Это ещё, что за зверь? Она не знала этого деда, как не знала и своих дедушек. У неё были только бабушки. Катя думала, что у всех так. Бабу Шуру и бабу Лизу она уважала, а может и любила. Кто знает? Она и сама не понимала. Баба Шура была знакомая-презнакомая. Бабу Шуру Катя видела каждый день. Баба Шура с ней водилась. С бабой Лизой дела обстояли по-другому. Эту старушку Катя видела очень редко. Эта бабуля жила в далёком посёлке Солмасс. Кате нравились рогульки, которые с собой привозила баба Лиза. У неё были грубые мозолистые руки и весёлые глаза. Глаза-вишенки смотрели на Катю ласково.

– Мнученька ты моя, – шептали губы. Баба Лиза была совсем непонятная. Она не походила на бабу Шуру. Она была другая. Катя не могла сообразить, какой была баба Лиза. Старушка жила своей жизнью, у неё ещё имелись другие внуки. Между бабой Шурой и бабой Лизой при встречах росло напряжение. Они не ругались, но явно недолюбливали друг друга и прожигали насторожёнными взглядами.

Катя подросла и обнаружила, что на печке имеется лежанка. Там на толстом одеяле можно было посидеть и погреться, пока в доме топится печь и довольно прохладно. Там и кот, Васька полосатый, тоже любил греть свои мохнатые бока. Там иногда после смены дремал папа Витя. Все любили печку. Как же без неё? Это был центр дома, его сердце. Зимой Катя увидела, как мама в проруби полощет бельё. Баба Шура ей помогала, а девчонки просто бегали неподалёку. Мама надевала на руки перчатки. А потом сверху ещё и другие резиновые и смело опускала в воду руки с бельём, бултыхала в проруби одежду. Было интересно за этим действием наблюдать. Только ветер мешал. Он злющий и колючий лез под пальтишко и охлаждал пузико. Бр-р-р! Неприятно! А ещё к валенкам прилипал снег. Шагать по дороге было невесело. На обратном пути девчонки по очереди ехали в санках. Баба Шура их катала. А мама везла другие санки с корзиной с бельём. Потом бельё развешивали на верёвках в огороде. Оно замерзло и становилось стеклянным забором. Катя и Ниночка бегали под бельём и играли в город. Для них это был сказочный город с домами и колоннами, и с башенками.

Пришла весна. Эта весна оказалась особенной. Конечно, она была ознаменована традиционной уборкой двора. Родители распилили на треноге брёвна на дрова. Папашка потом колот их топором, а мама убирала и укладывала в поленницу в дровянике. Это всё было, как всегда. Но этой весной в доме поселилось чудо. Весной родители приобрели телевизор. Это считалось грандиозной покупкой. Он был большой, занимал много места. Из-за телевизора подвинули к дальнему окошку фикус. Фикус – это было достояние семьи. Катя любила это высокое, выше самой Кати, дерево с большими плотными листиками. Листики баба Шура заботливо протирали тряпочкой и часто лила воду в кадку. Фикус – это был дополнительный житель в доме, совсем, как полосатый Васька, что приходил по утрам отоспаться и отожраться с гулянки. Только фикус никуда не уходил. Да и как он убежит, если у деревца не было ножек? Фикус стоял у окна и задумчиво выглядывал на улицу. Фикусом гордилась баба Шура, а папа и мама гордились покупкой телевизора. Эту штукловину заботливо накрывали салфеткой. Включали его, когда по вечерам собиралось вместе всё семейство. Кате тоже разрешали посмотреть двигающиеся картинки. Это было интересно. В ящике звери пели и плясали и даже разговаривали. Мультфильмы были про мышку Микки. Рисованные картинки двигались, как люди.

Мышонок носил плащ. Потом Катя увидела кино про Золушку. Ей тоже понравилось. Беда только, что в телевизоре не было красок. По телевизору всё было чёрным да серым. А в книжках на картинках Золушка была красивее. У неё было большое пушистое голубое платье. И у принца был синий костюм с бляшками. Жаль, что картинки в книжках не двигались и не разговаривали. Обычно сказки читала бабушка. Потом, когда баба Шура была чем-то занята, Катя брала в руки книжку и тихонечко, чтобы никто не услышал, шепталась с Золушкой.

– Золушка, тебе скоро станет хорошо. Ты подожди немного. Принц рядом.

– Катя, идём играть, – нарушила уединение Ниночка. Не просто нарушила, а ущипнула за руку. Катя сразу забыла про несчастную Золушку. Нина немедленно получила тычок в бок.

«Золушка» была у Кати в приоритете и считалась любимой сказкой. Баба Шура читала её для девочек много раз. Катя жалела Золушку и рисовала её только в нарядных платьях и в обеих туфельках. Это, чтобы Золушка босиком не бегала и не простудилась. Вот Катя простудилась и пила потом таблетки с ложечки. А ещё ей на горло наматывали колючий шарфик и давали чай с малиновым вареньем. Малиновое варенье Катя любила, но горячий чай с вареньем внутри чашки вызывал стойкое отвращение. Фу! И мёд в чашке с чаем тоже становился противным-препротивным. А потом Катя выздоровела и больше не кашляла. Наконец Катю выпустили погулять на улицу. Свобода! На улице около дома девочку уже ждали закадычные подружки Надюшка и Ленка.

– Бежим, пока Нинка не вышла! – скомандовала Катя. И они побежали.

– Катя! Катя! – неслось писклявое где-то сзади. Не убежали. Нина тоже теперь быстро бегала. И на трёхколёсном велосипеде научилась бойко крутить педали. Да, растёт девка!

– Да ладно, пусть с нами играет, – пошла на мировую Надюшка. Она девчонка классная и не любила попусту ругаться. Надюшка ещё была и девка боевая. Если надо за подругу и в глаз дать могла. Ну, или пинка отвесить.

Весной девчонки в канавах пускали кораблики. К пруду боялись подходить. Там лягушки квакали, и все говорили, что там ещё и водились пиявки. Пиявок детвора боялась. Одну пиявку девчонки поймали, когда зачерпывали баночкой воду из пруда. Они поставили баночку на скамейку у дома и наблюдали за жизнью пиявки. Было любопытно глядеть, как большая чёрная пиявка извивалась, пока не залегла на дно и не прилипла к банке. А потом пошёл дождь, и мерзкая тварь воспользовалась ситуацией и выбралась из заточения. Пиявка умудрилась уползти куда-то в лужу. А банка так и осталась стоять на скамеечке под открытым небом. Вода в банке быстро переполнилась и позволила пиявке сбежать из импровизированной тюрьмы. Исследования пришлось прекратить. Новую пиявку ловить не стали. Ну их, «поганок». Лягушками девочки тоже не заинтересовались. А наелись они конфет.

У Кати разболелись зубы. Катя не знала, что сладкое слово «аванс» может приносить столько боли.

– Ну чего, Рита, вези девчонку в больницу. Тут только зубной врач поможет, – распорядилась баба Шура. И они поехали. Так Катя покаталась на настоящем автобусе. Мама подняла её и поставила на трясущийся мелкой дрожью пол автобуса. Внутри пахло пылью. Катя сидела у мамы на руках и смотрела в окно. За окном мелькали ёлки. Они будто бежали вслед за автобусом. Им тоже хотелось покататься, а их никто не взял. Долго жалеть ёлки не пришлось – прибыли в райцентр. Мама привела Катю в большой дом. Там сначала шагали по коридору длинному-предлинному, а потом зашли в большую светлую комнату. Там тётя вся в белом строго скомандовала:

– Садись в кресло и открывай рот.

Катю усадила в кресло мама. Катя покорно открыла рот. Было любопытно, что там тётя разглядывала. Зуб сразу перестал болеть. Испугался, наверное, белую тётю.

– Ну, что? Будем удалять, – сказала тётя коротко. И все всё поняли, кроме Кати. «Удалять» – это слово Катя услышала впервые и не знала его значения. Девочка хотела спросить у

мамы, что это такое «удалять», но застеснялась. «Потом позже спрошу», – решила Катя. И что такое интересное у неё во рту обнаружила тётя? А тётя взяла в руки какую-то штучку, ловко запихала её девочке в ротик и что-то там пошевелила. Катя взвыла. Ей было больно. Не очень сильно, но больно. А ещё ей было очень обидно, что белая тётя сделала ребёнку больно. Мама схватила Катю в охапку и утащила в коридор. Там в коридоре мама вытирала Кате слёзки и сопли платочком.

– Катенька, не плач! Всё уже, зубик не болит. Не будет больше зубик болеть. Его тётя выняла из ротика и выкинула на помойку.

– Болит... – ныла Катя, и шмыгала непослушным носиком.

– Пойдём в магазин и купим тебе что-нибудь. Пойдём?

– А-а-а! – надрывалась Катя. А потом вдруг остановилась. Это волшебное слово «магазин».

– Катенька, давай тебе купим книжечку с картинками?

– Ага, – на книжечку Катя быстро согласилась. Слёзы мигом высохли. Книжку баба будет вслух читать, а картинки будет Катя рассматривать. Ну и Нинке даст посмотреть, хоть у неё зубик не болел.

Вечера теперь разнообразились. С появлением телевизора они стали ещё более шумными. Всей семьёй усаживались на диван и смотрели кино. На диване было тесно, девочки пихались и пинались. Кате и Ниночке вскоре это надоело. Они стали усаживаться на детские стульчики. По вечерам сначала показывали мультфильмы, а потом уже взрослые пялились на проделки чужих дядек и тётенок. Фу! С куклами интереснее. Родители не скупилась и по возможности дарили сёстрам игрушки. В коллекции игрушек у них были пупсики, куколки и даже машинки. Катя больше всех любила заводного медведя, который умел шагать. У него в спину вставляли ключик и им заводили пружинку. Другой медведь лизал аппетитное эскимо на палочке, очень красиво лизал. Он тоже заводился от ключика. Девочки обожали медведей и постоянно дрались из-за них.

– Катенька, твой Миша танцует, а твой, Ниночка, эскимо кушает, – поясняла мама Рита, разнимая девочек. Девочки при маме на показ мирились, а потом снова мутузили друг друга. Нелегко жить в мире, когда вокруг столько соблазнов поцапаться. Но и дружить они тоже умели. Играть вдвоём было поинтересней, чем врозь. Тут и от Нинульки бывал толк. Бегала она быстро и визжала громко. Куклы сестёр ходили друг к другу в гости, совсем как мама Рита и тётя Соня. Тётя Соня была высокая объёмистая и очень добрая. Её красивый голос в доме предвещал праздник. Тётя Соня рассказывала всякие истории, красиво пела песни за праздничным столом. И с Маринкой, её дочкой, было интересно играть. Кругом одни «плюсы».

Глава 4. Счастье подаётся порционно.

Летом под вечер... Почему все страшные вещи происходят под вечер, когда уже тени сгущаются под деревьями? Так вот, уже под вечер девочки играли у дома и совсем было собрались идти домой. Девочки устали и захотели пить. Взрослых дома не было. Бабушка Шура и мама возились в огороде. Папа, как всегда был на работе, а мама с бабулей пололи грядки. Девочки играли с соседской Ленкой на крылечке. Все при деле.

– У вас дома кто-нибудь остался? – спросила вдруг Ленка.

– Кот Васька, – легкомысленно брякнула Нинка.

– Не-а, – протянула Катя.

– Чо, вообще дом пустой? – недоверчиво шмыгнула носом Ленка.

– А что? – насторожилась Катя.

– Кто это у вас в окне торчит?

– Где?

– Вон в комнате бабка какая-то, – подружка по играм показала грязным пальчиком в сторону окошка с красивым ажурным тюлем.

– Ну-ка покажи, – Катя посмотрела туда. Тюль немного колыхнулась. Нинка мигом оказалась рядом. Вот егоза! Ей, видите ли, тоже любопытно.

– Смотрите, девки, у вас в окошке бабка гребнем голову чешет. – не унималась Ленка.

– Баба Саша в огороде, – подала голос Ниночка.

– Я не вижу никого, – хмурилась Катя, но страх перед неизведанным уже заползал в душу.

– А-а-а! – завизжала Нинка. – Там ведьма расчёсывает волосики!

– Ты тоже видишь? – воодушевилась Ленка. Катя пригляделась повнимательнее к окну. Ажурная ткань отбрасывала странные тени. Сумерки мешали или помогали? Воображение дорисовало среди мягких складок ажурного тюля бледное морщинистое лицо ведьмы с длинным крючковатым носом. Она вдруг повернула голову и посмотрела на девчонок. Это происходило на самом деле? Девочки пискнули и опрометью понеслись за дом в огород. Там всё было хорошо, там мама и бабуля заканчивали поливать грядки. Ленка убежала к себе домой, довольная произведённым фурором. Ниночка и Катя схватили маму за руки.

– Мама! Мама! – кричали сёстры в разнобой.

– Что-то случилось? – мама замерла в предчувствии беды.

– Нет, мама, мы хотим домой, – заныла Катя.

– Мама, мы соскучились, – ластилась младшенькая Ниночка.

– Девочки, вы так устали? – обалдела мама Рита.

– Ага, устали, – подтвердила Катя. Идти домой без взрослых девочки побаивались. А вдруг там кто-то их поджидал? Поджидал. Кот Васька сразу заорал и повёл к миске. Молока ему, видите ли, надо! Потом ещё долго сёстры боялись с улицы смотреть в окна родного дома. А вдруг оттуда кто выглянет?

Плохое быстро забывается. Зачем такое помнить? Наоборот, в памяти остаются надолго праздники. Катя любила праздники, любила и свой день рождения. Да кто же его не любит этот замечательный день варенья и поцелуев в щёчку? С каждым разом Катенька становилась всё взрослее и сообразительнее. А это, согласитесь, приятно. Среди праздников, как самый щедрый, Катя почитала Новый год. Потом ниже статусом у неё шли Октябрьские, ну и Майские. Хотя Майские праздники были особенными. На эти праздники обычно цвела черёмуха. Воздух пах мамиными духами. Папа Витя, обрадованный дополнительным выходным днём, не собиравшись на рыбалку. Уже хорошо. Он бегал вокруг мамы Риты и пытался помочь по хозяйству.

– Мамулик, мы будем праздновать?

– Конечно, будем, папулик, – веселилась мама. Родители вместе с друзьями отмечали праздник на окраине деревни на полянке, что пряталась в кустах неподалёку от магазина. Взрослые разводили небольшой костёр, называли его пажком. Сидели на досках вокруг костра. Доставали нехитрую закуску, напитки. Всё путём. Девочки играли рядом в куклы.

– Ой, сег пошёл! – закричала Ниночка, ловя голыми ладошками крупные снежинки. Катя тоже принялась ловить снежинки. Это было забавно. Май, но девочки ещё в тёплых пальтишках и в штанишках с начёсом. Черёмуховые холода никто не отменял. Зови их, не зови – всё равно сами придёт. Это уже потом, когда черёмуха начнёт отцветать, осыпая землю лепестками соцветий, резко вдруг в одночасье потеплеет. А там и до лета рукой подать. Папашка у костра становился разговорчивым и предельно ласковым. День Победы – лихой праздник.

– Всю войну работал в колхозе. Мужиков не было. Все на войне. А я пацан при лошадях был. Спрашивали, как со взрослого, – изливал душу папа Витя перед друзьями.

– Чем платили? – спросил кто-то, хотя ответ был очевиден и, казалось, висел в воздухе.

– Ничем не платили. Всё отправляли на фронт.

– Совсем ничего не давали?

– С голоду умереть не давали. Трудодни записывали матери. Моя Петровна всегда план выполняла.

– Тяжело было?

– Как всем. Зимой особенно страшно было.

– Так ты же в тылу работал. Чего боялся?

– Волков боялся. Как-то раз меня вместе с лошадьёю чуть не съели волки. Еле убежали. Я с саней чуть в сугроб не свалился. Она как понесла. Стая волков за нами гналась. Я плакал.

– Ты же мужчина! Ты выдержал.

– Я тогда пацаном был. Мне всего одиннадцать было. Ну, за то, что выжили!

– А теперь не чокаясь за тех, кого нет с нами!

Так и сидели взрослые и тема у них в разговорах была одна. День Победы. У многих тогда с войны не вернулись близкие.

Катя любила весёлый Новый год, но уважала День Победы. Мама с папой в этот день были такие добрые. У них всё можно было выпросить, даже шоколадные конфеты.

Рыбу Катя не любила. Фу! Она воняла болотом и кололась. Папа по выходным ходил на рыбалку и всегда притаскивал неплохой улов. Мама из неё пекла пироги-рыбники и варила уху. Как-то раз весной папа притащил рыбину размером с саму Катю. Во какую!

– Это шука! – хвастался папа Витя.

– Шука? – Катя испугалась огромной зубастой пасти.

– Это главная рыба в озере, – когда папа был доволен собой, он много разговаривал с дочкой. А вообще папа Витя чаще отмалчивался. Зато вечно бубнила баба Шура:

– Вот сидят в ящик пелятся. Лучше бы делом занялись!

«Ящиком» бабуля обзывала телевизор. Он, конечно, походил на ящик, но это был уже не простой ящик. Там песенки пели. Баба Шура читала Кате сказку «По щучьему велению». Ей понравилось. А потом девочка мультфильм посмотрела. Это было ещё интересней. Мама сшила Кате платье летнее в цветочек. Красивое, как у царевны из сказки!

– А мне! А мне! – закричала Ниночка, когда увидела на сестрёнке новое платьишко.

– И Ниночке сошью такое же, – заверила мама дочек. Протестовать бесполезно. Девочки, как маленькие обезьянки, моментально перенимали всё друг у дружки, особенно младшая у старшей.

– Мама, мама! Ты Наденьке тоже сошьёшь платье? – запрыгала счастливая Катя.

– Какой Наде?

– Нашей общей кукле Наде, – гордо заявила старшая дочка. У девочек имелась одна кукла на двоих. Она была очень редкая и дорогая, остальные игрушки преподносились в двух экземплярах.

– Наде! Наде! – прыгала рядом Ниночка. Мама Рита не сумела отказать проказницам и в итоге просидела за швейной машинкой весь выходной день. Бедная мамочка! Трудно угодить двум подрастающим капризным девицам. Надо сказать, шила она быстро и аккуратно.

Ниночка оказалась девицей шустрой. Она быстро подрастала и набиралась опыта. А ещё она больше, чем Катя любила клубнику. Утром баба Шура будила ласково Катю:

– Катюша! Вставай, соня! Ниночка давно в огороде клубнику шарит.

– Катя быстро с помощью бабули нацепила на себя платье и сандалики и понеслась на улицу.

– Нинка – зараза! Отойди от моей грядки! – кричала Катя издали размахивая руками. Ниночка вприсядку шарила своими быстрыми ручками в кустиках клубники. Катя опрометью бросилась к своей грядке за ягодками. Она наклонилась и принялась перебирать руками красивые зелёные листочки.

– Нинка, ты съела мои ягодки! – заорала в ярости Катя.

– Съела. Они вкусные, – не отрицала Ниночка. Она невозмутимо шарила ручками в другом конце грядки.

– Эта грядка моя, а твоя та, другая. Не лезь на мою грядку! – у Кати из глаз посыпались крупные слёзы обиды.

– Не спи долго. Ягодки это не любят. Ягодки любят попадать в ротик. Вот! – рассмеялась нахалка и запихала себе в рот большую спелую ягоду.

– Я тебя побью, – ругалась на расстоянии Катя.

– Только попробуй, я всё маме расскажу.

– Я эту грядку поливала. Мама сказала, что это моя грядка.

– Ну и что? Ягодки общие.

– Дай мне тогда ягоду с твоей грядки, – попросила Катя.

– На держи. Я не жадная, – Нина подошла к сестре, и Кате на ладошку упали две ягодки.

– Вкусно, – мигом их проглотила Катя. – Ещё дашь?

– Ищи сама. Мне не жалко, – разрешила Нина. Её руки и лицо – всё было перепачкано ярким соком клубники. Ниночка торопилась полакомиться ягодками до того, как Катя проморгается и прибежит за урожаем. Катя очень внимательно обошла обе грядки и тоже полакомилась, чем получилось.

– Вот шныра, – говорила про Ниночку мама. – Где бы конфеты от неё не спрятали, везде разыщет. По запаху что ли?

– Может, и по запаху. Катька попроще будет. Катька не такая, – соглашалась баба Шура, а папа Витя одинаково любил обеих дочек.

– Катенька легковерная. Тяжело ей в жизни будет, – сетовала мама Рита.

– Не плачь, мамулик. К тому времени, когда Катька вырастет, мир успеет поменяться в лучшую сторону. Нашу девочку никто не будет обманывать.

– Ты думаешь? – просияла Рита.

– Я уверен. После такой страшной войны люди воспряли духом. Они почувствовали себя всемогущими. Ты посмотри, как всё вокруг стремительно меняется? Страна на подъёме.

– Я была недавно в райцентре на совещании. Там весь город отстраивается, прямо на глазах преобразуется.

– Да и у нас в деревне неплохо стало. Автобусное движение налажено.

– В клуб мультфильмы завезли. Своди на них девочек, – попросила мама папу. Катя и Нина уселись во второй ряд маленького деревенского зала. Первый ряд был уже занят. Туда забились самые шустрые. Кате всё равно понравилось. Хоть и пришлось голову задирать

кверху. Мультики в цвете впечатляли. Денежки за вход заплатил папа. Ребяшня шумной толпой ввалилась в зал. Катя и Ниночка забрались во второй ряд, но оттуда тоже хорошо было видно. В третьем ряду сидели большие ребята. Жаль, что мультфильмы редко привозили. Дома смотреть по телевизору было тоже занято, но там не было в цвете.

В один из выходных Нинка-мамошница увязалась за взрослыми. Мама Рита и тётя Соня, а по совместительству, мать Маринки, отправились гулять в соседний хутор. Там официально никто не жил. Женщин привлекал местный заброшенный яблоневый сад. Решили совместить полезное с приятным – набрать на еду яблочек.

– Ниночка, это далеко. Ниночка, ты устанешь, – отговаривала баба Саша упрямы.

– Не-а, я большая! – кричала Ниночка и упорно просилась гулять со взрослыми дамами.

– Ну, смотри, Ниночка, я тебя на себе не потащу, – сердито погрозила пальцем мама Рита. Конечно, хутор был совсем близко, тут же за деревней, но для маленькой девочки десяток шагов – уже расстояние. Наконец, они ушли. Маринка с Катей остались сидеть в кукольном домике. Потом они ушли в дом. Баба Саша напоила их чаем с пирогами. Девочки успели ещё раз поиграть в куклы, когда вернулись с прогулки дамы. Явились путешественники испуганные и недовольные. Яблок принесли совсем немного. Ниночка пыхтя ввалилась через высокий порог дома. Она казалась очень усталой, но глаза её сияли загадочно. Эти глаза говорили о том, что сестрица скрывала какую-то тайну. Вопрос, какую.

– Нинка, что случилось? – зашептала Катя сестре на ухо. Маринка наострила уши. Тоже разобрало любопытство.

– Мне велели не рассказывать, – гордо заявила Ниночка.

– Кто велел? – умело вела допрос Катя.

– Мама и тётя Соня.

– Девочки, пойдёмте поиграем в шпионов, – предложила хитрая Маринка и хищно прищурила глазки.

– Как это в шпионов? – загорелись глазки у Нинки.

– Ты у нас будешь разведчиком, – принялась распределять роли Маринка.

– А я кем буду? – спросила Маринку Катя.

– Мы с тобой будем шпионами.

– Ну, если с тобой, – согласилась нехотя Катя. Шпионов она не уважала.

– Шпионы должны узнать у разведчика тайну. У нас есть тайна?

– Нет никакой тайны, – растерялась Ниночка.

– Что ты видела на хуторе? – прямо в лоб спросила Катя.

– Да ничего не видела.

– Совсем ничего? – с надеждой в голосе переспросила Маринка.

– Дом старый, и там никто не живёт.

– А чего ты тогда там испугалась? – применила известный психологический приём Маринка.

– Я не испугалась.

– Значит, это взрослые испугались. Чего они испугались? – Маринка была очень умной.

Катя прислушивалась к советам Маринки.

– Мы зашли в дом, а там на столе еда стоит.

– Какая еда? – удивилась Маринка.

– Картошка варёная и миска со сметаной.

– Что сделали взрослые? – продолжила допрос Маринка. Катя стояла рядом и молчала.

Она переваривала информацию медленно и очень основательно.

– Они побежали домой.

– А ты?

– А я тоже побежала. Мы так быстро бежали, что яблок даже мало насобирали.

- Мы маме ничего не скажем, – серьёзным тоном произнесла Катя.
- Что не скажете? – забеспокоилась наивная Ниночка.
- Не скажем, что ты нам всё разболтала. – вздохнула Катя – известная поборница правды.
- Катька – дура! Ты меня обманула! – заревела горько Ниночка. Катя грустно смотрела

на сестру и молчала.

Катю частенько дома взрослые обзывали тугодумом. Катя могла замереть на одном месте и так сидеть, не двигаясь некоторое время. Могла и не услышать вопроса.

- Катенька, о чём ты задумалась? – спрашивала мама, хмуря брови.
- Ни о чём, – глаза Кати были безмятежные.
- А почему тогда не отзывалась?

– Я не слышала. А ты звала меня? – пожимала плечами девочка и уходила играть с сестрой. Она выросла, но по-прежнему могла сидеть неподвижно, уставившись в одну точку. Что там девочка видела? Никто не знал. Впрочем, в остальном Катя казалась обычным ребёнком. Ну, не совсем обычным. Раздевается Катенька после прогулки на улице. Снимает с себя штанишки, вытаскивает ножку из штанины и вдруг замирает. Так с не до конца снятыми штанами девчонка могла просидеть полчаса. Сидела, не шелохнувшись и куда-то смотрела. Баба Шура пугалась этих гляделок. «Ой, не к добру», – думала расстроенная бабуля. Мама Рита большой беды в таких посиделках не видела. А папа Витя думал задорно: «Прорвёмся!»

Идиллию нарушил плановый медосмотр перед школой. Как это всегда бывает с такими вещами, медосмотр нагрел совершенно нечаянно. Катю мама отвезла в поликлинику в райцентр. Там девочку сводили в несколько кабинетов. Осматривали, ощупывали, вертели её тщедушным тельцем, как хотели люди в белых халатах. Одна тётенька приставила к спинке что-то холодное и противное:

- Дыши.
- Не дыши.

– Дыши, Катенька, дыши, уже можно, – всплеснула руками мама, когда заметила, что девочка стоит с надутыми щеками и боится выдохнуть. Катя боялась белых людей, жалась к маме. К счастью, мама всегда была рядом. Мама подбадривала:

- Ну, что ты Катенька, здесь тебе никто не сделает больно.

Мама не обманула. Больно не было. Было некомфортно. Кате не нравилось, когда вокруг скапливалось много народа да ещё незнакомого. Девочка начинала теряться. Она начинала тормозить, то есть медленнее двигаться, плохо соображать. Равнодушные взгляды людей в белых халатах сковывали, почти лишали её силы воли. Наконец, мама вывела Катю на свежий воздух. Катя пребывала в полубморочном состоянии.

Домой ехали снова в вонючем дребезжащем рейсовом автобусе. Мама явно нервничала. Или просто устала? Катя посмотрела на маму долго-предолго. Мама ей жалко улыбнулась. Что это? Кате показалось, или мама смахнула рукой слезинку? Наверное, показалось. Ведь они с мамой не болели. Никто их с мамой не обижал. А сейчас они вообще ехали домой. Ой, в магазин забыли зайти! Впервые были в городе и не купили Кате и Ниночке подарочек! Катя думала, что мама, как в прошлый раз, купит красивую книжечку с картинками. Как так? Ездили в райцентр и не купили? Катя хотела сказать это маме, посмотрела на неё и не осмелилась. У мамы было странное лицо. Катя никогда раньше не видела маму с таким лицом. Девочка повернулась к окошку и принялась разглядывать пробегающие мимо кусты. Кусты махали ветками, они прощались с Катей.

- До свидания, Катенька! Ещё свидимся.

Катеньке становилось всё веселее и веселее. Она ехала домой. Там её ждали баба Шура, папа, ну и Ниночка, конечно. Куда без этой егозы! Вечером вся семья собралась вместе, и всё было, как всегда. Только мама невесёлая.

- Что с тобой Рита? – спросила бабуля.

– Да ничего. Голова разболелась, – не было желания откровенничать даже с матерью. Когда поздно вечером девочки утомонились и заснули, взрослые держали совет на кухне. Они уселись за обеденным столом. Это пришёл с вечерней смены с завода отец. Он долго переодевался в домашнюю одежду. Мылся, шумно фыркал и брякал умывальником. Это после дневной смены рабочие имели возможность помыться в заводской бане и переодеться в чистую одежду. По ночам баня не работала.

– Ну как, мамулик? Можно тебя поздравить? Нашу малышку берут в школу?

– Нет, папулик, не взяли.

– Как это? Не взяли в школу?

– Не-а, – помотала головой Риточка и заплакала.

– Ну-ну, мамулик, перестань, – пытался утешить жену Виктор.

– В заключении написано, что девочка отстаёт в развитии, – сумела произнести Рита между всхлипами.

– Так сильно отстаёт?

– Не знаю, папулик...

– Этого не может быть! Ты же была с ней рядом?

– Я стояла рядом и ничем не могла ей помочь. Понимаешь... – Рита запнулась и снова заплакала.

– Ну же, мамулик, перестань. Мы что-нибудь придумаем.

– Что ты придумаешь? Вот что? Катя не смогла ответить на простейшие вопросы! – яростный шёпот заполнил всю кухню без остатка.

– Но почему не смогла? Дома с нами она говорит, – неприятно удивился отец.

– С чужими Катя заторможенная. Вообще такое отставание считается болезнью, – ещё всхлипывала Рита.

– А тёща что говорит?

– Ничего.

– Её не заботит будущее старшей внучки? – Виктор с трудом сдерживал гнев.

– Я ей ещё ничего не сказала.

– Ну ты, мать, даёшь! – чуть не заорал во весь голос Виктор.

– Тише! Я завтра же ей всё расскажу.

– Мамулик, твоя мать дипломированный педагог. Я уверен, она что-нибудь да придумает.

– Пойдём спать, папулик. Утро вечера мудренее.

На том и порешили.

Наступило утро. По иронии судьбы утро было пасмурным. Хмурые тучи носились по небу и предвещали дождик. Такими же хмурыми бродили по дому домочадцы. Папа и мама перешёптывались и перемигивались, как школьники. Казалось, они хранили какую-то страшную тайну.

– Катя, когда ты пойдёшь в школу? – спросила Ниночка.

– Не знаю. Сказали, что осенью.

– Сейчас осень?

– Наверное, – скривилась Катя. Слово «школа» ей не нравилось. Но туда ходили все её подруги, что были постарше и очень этим гордились. Там тусовались Маринка и Валя. Надюшка, Ленка и Серёжка с нетерпением ждали, когда им разрешат ходить в школу. А Катя боялась этого похода. Катя хотела спокойно жить дома вместе с бабушкой и Нинкой. Так ей было проще. Она ничего нового не хотела. Она боялась изменений в своей жизни. А мама Рита боялась признаться своей матери в том, что её внучка неполноценная.

– Рита, что ты скрываешь от меня? Почему ты молчишь?

– Понимаешь, мама...

– Что случилось? Ну, говори же! – прикрикнула на дочь Александра.

- Случилось, мама.
- Что случилось?
- Катю не взяли в школу.
- Она больна? Чем?
- Не знаю.
- Что врачи сказали?
- Спецшкола, – выдохнула Рита обречённо. Она была бледная, как полотно.
- Ты согласилась?
- Мама...
- Ты согласилась отдать дочку в спецшколу? – Александра нависла над сидящей на диване Ритой.
- Я не знала, что делать, – Рита спрятала лицо в ладонях.
- Ты согласилась? – грозно спросила мать.
- Мама, я не знала, как поступить.
- Ты согласилась отдать Катю в спецшколу? Подписала документы?
- Нет.
- Слава богу! – Александра грузно опустилась на стул. – Хоть на это мозгов хватило.
- Я забрала документы с собой...
- Правильно сделала, – тихо похвалила Александра. Она прекрасно знала, что так делать было ни в коем случае нельзя. И вообще, такие вещи наказуемы. А с другой стороны... Кому какое дело, что станет с девочкой, которой ещё не исполнилось и семи лет? Это касается её внучки. Её кровиночки. Здесь в силу вступает главный закон – закон родства. Лицо старушки словно закаменело.
- Мама! Что можно сделать? – глаза Риточки смотрели на мать с надеждой.
- Всё можно сделать.
- Что всё? – в отчаянии выкрикнула Ритка.
- Можно ещё всё исправить, – мрачно изрекла Александра.
- Всё исправить? Но как?
- Мы отправим Катю на следующий год.
- В спецшколу? – голос Риты снова дрогнул.
- Зачем в спецшколу? В обычную нашу деревенскую.
- Мама, как мы это сделаем?
- Да как все.
- Мама, я не хочу отдавать Катю на воспитание в школу-интернат для дураков! – вскричала Рита и разрыдалась.
- Я тоже для Катюши желаю другого будущего. Я очень хочу, чтобы она выросла нормальным человеком, чтобы работала на хорошем месте, чтобы замуж вышла.
- Но врачи сказали... – голос Риты сорвался на всхлип.
- Плевать на врачей! – такой злой Рита никогда не видела свою мать.
- Но как?

Глава 5. Запах солнечных лучей.

– Ритка, ты совсем сдурела? Я же учитель со стажем. Обучу я твою Катю читать и писать, а там разберёмся.

– Её возьмут в обычную школу?

– Пусть только попробуют не взять! – рявкнула пенсионерка. Она была настроена решительно. На кон Александра ставила свою репутацию учителя начальных классов с многолетним опытом. Хотя, плевать на репутации, если речь идёт о собственной внучке. Александра Николаевна сделала вызов системе образования. Да, её внучка особенная, но это любимая внучка.

С этого дня Катина жизнь резко поменялась. Теперь с девочкой каждый день по особенной программе занималась бабушка. Кате вменили в обязанность изучать азбуку. «Совсем, как Буратино», – подумала Катя. Если мама с папой решили, что так надо, значит, надо.

– Я не пойду в школу? – подняла на бабулю серые глаза Катя.

– Этой осенью? Нет, не пойдёшь, – огорошила новостью девочку баба Шура.

– А когда я пойду в школу? – забеспокоилась Катя. Перед подругами же стыдно!

– Ты пойдёшь в школу на другую осень через год и будешь учиться вместе с Серёжей.

– С Серёжкой? С братом Вали Карачовой?

– Да, с Серёжей.

– Ура! – завопила Катя. Так даже лучше, а потом спросила: – А почему я сейчас не пошла в школу?

– Ты ещё слишком маленькая, поэтому папа с мамой решили, что ещё годик ты посидишь дома.

– С Ниночкой! – встряла Ниночка и радостно захлопала в ладоши.

– Это хорошо, бабуля? – снова спросила пытливая Катя.

– Это хорошо, – заверила внучку баба Шура. Она сама себе поклялась, что никогда и никому не расскажет про Каткино медицинское обследование. Александра была уверена, что её внучка догонит сверстников. Надо только дать ей шанс. Такой шанс напрямую зависел от неё, от бабушки. Потянулись дни тоски и учёбы. Это только в поговорке «ученье – свет, а неученье – тьма». В жизни всё по-другому. Свет ученья шёл через труды праведные.

– А-а! – кричала Катя. Она уже ненавидела люто эту буквочку.

– Правильно. Это буква «А», – вставляла Кате в голову непререкаемые знания баба Шура. Она при каждом удобном случае, а чаще просто по утрам, усаживала старшую внучку за стол и совала в руки азбуку.

– Писать хочу! – ныла Катя.

– Иди писай и снова сюда.

– Пить хочу! – не унималась Катя. Рядом лазила Нинулька, что тоже не добавляло дисциплины.

– Смотри, Катенька, что нарисовано на картинке. Видишь?

– Арбуз, – фыркнула Катя. Кто же его не знает?

– Абуз! Абуз! – прыгала рядом со столом довольная Нинулька.

– Нина не мешай Кате буквы учить! – строжила внучек бабушка.

– На какую букву начинается слово «арбуз»?

– А-а! – закричала довольная Нинка.

– Ну, Катя, на какую букву начинается слово «арбуз»? Буква...

– Буква «А», – нехотя выдавила из себя Катя. Притворяется или действительно не может?

– А это какая буква?

– Не знаю.

– Катенька, мы вчера называли её буквой «У». Помнишь?

- Помню. У-у!
- У-у! – повторяла довольная Ниночка.
- Если соединить букву «А» и букву «У», что будет? Повторяй – а-а.
- А-а-у-у! – запрыгала рядом Ниночка.
- Вот видишь, Катя! Как бы Ниночка быстрее тебя азбуку не выучила!
- Пусть Нинка и учит азбуку! – надулась Катя. Ниночка радостно засмеялась.
- Катенька, тебе скоро идти в школу. Ты хочешь, деточка, в школу? – использовала бабушка педагогический приём.
- Не-а! – Катя решительно замотала головой.
- Катенька, все девочки и мальчики хотят в школе учиться. Там же интересно, – пыталась увлечь баба Шура.
- Не хочу! – надулась Катька.
- Я хочу! Я хочу! – заскакала зайцем Ниночка. Ей нравилось дразнить Катьку.
- Вот видишь, Катя, Ниночка и-то хочет ходить в школу! – бабуля назидательно подняла указательный палец вверх.
- Хочу! Хочу! – бегала по комнате глупая Нинка.
- В школе ребятки вместе играют, песенки поют, книжки читают и чай вместе на переменах пьют.
- Чаю хочу, – заныла Катька. Она боялась школы. Боялась и чужих людей и неважно, кто это был, ребёнок или взрослый человек. Баба Шура налила сёстрам тёплого чаю в чашечки. Нина всё равно собезьянничает и тоже чаю попросит.
- И я чаю хочу! – среагировала ожидаемо Ниночка. Бабушка поставила чашку перед Катей, а потом и перед Ниной. Девочки немного отпили, а потом принялись баловаться. Они пускали пузырики, дуя на воду в чашках.
- Что это вы безобразничаете? А ну-ка перестаньте булькаться!
- Горячо, – важно произнесла Ниночка. Она недавно выучила это новое слово и лопалась от гордости, что правильно и к месту его употребила.
- Ага, и мне тоже, – засмеялась Катя. В баловстве она всегда поддерживала сестру. Чем бы ни заниматься, лишь бы не учиться.
- Катя, бери азбуку в руки! – скомандовала бабуля, отбирая у девчонок полупустые чашки. Не ровен час, начнут обливать друг друга сладким чаем. Они могут. Они такие. Они бесенята.
- Катя, читай! Буква «А» и буква «У». Что будет вместе?
- Ау! – пробурчала Катя недовольно.
- Ау! Ау! Ау! – как попугай раскричалась Ниночка.
- Нина, не мешай Кате учиться, – баба Шура поджала скорбно губы.
- Я тоже хочу! – заныла Нина.
- Чего ты хочешь? – насторожилась бабушка.
- Хочу учить азбуку! Я хочу быть умной, как Буратино, – закричала Ниночка обиженно.
- Вот, Катенька, твоя сестра хочет быть грамотной. Ниночка хочет быть красивой и умной. Она хочет, как мама, работать в конторе. Правда, Нина?
- Хочу! Хочу! Хочу! – истошно завершала Ниночка. Пока кричала, она забыла уже, что хотела и занялась куклой Надей. Эту куклу можно было причёсывать, а ещё кукла была с пищалкой в животике. Ниночка наклоняла куклу Надю, и та кричала испуганно «мама!» Какая уж тут учёба!
- Я тоже хочу играть с Надей! – опомнилась Катя и и отпихнула от себя азбуку. Не давалось девке ученье. Совсем не давалось. Но баба Шура была кремень.
- Катя! За стол! Нинка маленькая, а тебе кобыле, пора буквы учить.
- Не хочу! – скривила губы девчонка.

– А ты через не хочу. Время твоё пришло. Скоро Нина тебя обскачет.

– Это как? – замерла Катя.

– Обскачет, обскачет, – пробовала на вкус ещё одно новое слово Ниночка. Этой девице в отличие от сестры учиться нравилось. Ниночке похоже учёба вообще легко давалась. Без Ниночки домашняя школа потерпела бы фиаско. Как-то раз Нина замучила бабулю. Было лето. Ниночка заставляла бабу Шуру катать её на велосипедике. Велосипедик был трёхколёсным, но уже транспортом! Катю долго учили на нём ездить. Катя научилась, а Ниночка ещё мала была. Ножки до педалей не доставали. Потом Нина стала подражать сестре. Потом Нина стала подражать сестре. Бабуле надоело катать по тропинке Ниночку. У старушки разболелась спина.

– Нина, ты взрослая девица! Ну-ка жми на педали!

Нина послушно нажала и тут же покатила по дорожке да так бойко, словно век этим делом занималась. И так во всём. А Катюха тормозила. Она медленно и долго раскачивалась.

– Катенька, ты снова замечталась? – бабуля смотрела на девочку внимательно.

– Не знаю.

– Что на этот раз ты видела?

– Ничего, – снова следовал ответ. Девочка смотрела на бабушку пустыми глазами. Ни единой мыслишки! Что это за заболевание такое?

Месяц упорной работы с непонятливой внучкой дал результаты.

– М-а-м-а, – пыхтела Катя.

– А вместе, Катенька. Что будет вместе? – бабуля выбивалась из сил с трудным ребёнком.

– М-а м-а, – упорно пыхтела Катя и не понимала, что от неё ждёт бабуля.

– Ма-ма, – подсказала добрая бабушка.

– Ма-ма, – покорно повторила девочка. Ей не нравилось это занятие. Вот Нинка куклу наряжает в новое платье. Почему, Нинка делает всё, что захочет? Почему ей, Кате, нельзя играть в куклы? Ещё и ложку заставляют держать в непослушной ручке. Та ручка, в которой Кате нравилось держать ложку, не нравилась почему-то бабуле.

– Да не мучайте вы девчонку. Ну левша она, – заступился как-то папа. Не выдержал Катиных слёз и мучений с ложкой.

– Она должна быть, как все. Нельзя отбиваться от коллектива, – заявила строго баба Шура.

– Да не переучивайте вы её! – ругался папашка.

– Надо, папулик, надо. Кате грозит интернат со спецшколой, – вздыхала горестно мама.

– Какой интернат? Она же только девочка! Обычная девчонка, – недоумевал родитель.

– Она буквы никак не может выучить, – поджала губы бабуля.

– Заниматься с ней надо лучше, – зло бросил папа Витя.

– Ты считаешь, что я плохой педагог? – всколыхнулась баба Шура.

– Я считаю, что ты, тещенька, сама филонишь. Тебе лень со внучкой заниматься.

– Ах, ты мерзавец! Ах, ты прохвост! – заорала взбудораженная тещенька.

– Тише вы! Скандал при детях устроили, – пыталась охладить разъярённую парочку мама

Рита.

– Она первая начала! Она девчонку кошмарит, – тыкал пальцем в сторону бабули папа Витя.

– Ты тоже, Ритка, считаешь меня бездарным педагогом? Вы оба думаете, что я плохой педагог? – яростно защищалась бабуля. – Я учу Катю жить, как все! Учю девочку сливаться с толпой.

– Катя немного отличается от других детей. Ничего в этом плохого не вижу, – настаивал на своём мнении папашка.

– Немного отличается? Это ты называешь, немного? Да Катюшка тормоз! – брызгала слюной баба Шура. Катя услышала слово «тормоз». Значения слова девочка не поняла, но само слово испугало её.

– Совсем девчонку напугали. Иди ко мне, Катюша, иди на ручки, – мама усадила девочку себе на коленки.

– Я ещё докажу, что мне не так просто выдали диплом педагога! Я докажу, что у меня имеется педагогический дар, – не успокаивалась Александра.

– Докажи, тещенька, докажи! – сердился папа. Кате было непонятно, за что так сильно сердится папа на бабулю. Бабуля хорошая. Только поворчать любила да Катю иногда дурой обзывала. Мама держала Катю на коленках и поглаживала девочку по голове. Катя безучастно смотрела на печку. Мама Рита проследила за взглядом дочки. Хм, ничего особенного. Ничем не примечательная белая известковая стенка печки. Мама Рита разом помрачнела. Была в словах Александры доля правды. В поведении Кати просматривалось что-то дикое, первобытное. Неужели болезнь? Это лечится? Хотя на комиссии перед школой врачи не дали девочке ни единого шанса. Тогда ещё в конце лета Александра Николаевна, как её почтительно величали в деревне, напротив рьяно защищала внучку. Она настаивала на её реабилитации. Александра была уверена в собственном непререкаемом педагогическом даре. Может, и был у неё этот дар, но и Катя с возрастом выглядела всё более дикой. Настанет ли тот момент, когда девочка станет совершенно неуправляемой? Или всё же пронесёт, и девчонку перещёлкнет на нормальное общение? Израстётся, так сказать...

К Новому году освоили первые простейшие слоги.

– Ма-ма, – выводила громко Катя. Её пальчик медленно перемещался от слога к слогу. Так же медленно Катя понимала о том, что делает. А потом началось традиционное годами проверенное:

– Ма-ма мы-ла ра-му, – бубнила Катя. Смысла заезженной фразы она явно не понимала.

– Помнишь, наша мама весной мыла окна? Она мыла отдельно и вставные зимние рамы, – загоняла умные мысли в голову внучки бабуля. Зимой рамы имели свойство плакать. В сильные морозы Катя пальчиком трогала ледышки, что намерзали на оконных стёклах. А потом льдинки начинали к вечеру подтаивать, и водичка тонюсенькими струйками стекала в лоток, что был в самом низу зимней рамы. Бабуля часто тряпочкой вытирала лотки. Она вообще зимой любила бегать с тряпочкой по окошкам. Катя в эту зиму помогала бабуле, тоже тряпочкой вытирала водичку с окошек.

– Это чтобы рамы не гнили, – пояснила бабушка.

– Поняла, – кивала Катя.

– Вот, Катенька, теперь всё будет хорошо.

– Будет хорошо, – вторила Катя.

– Теперь рамы не сгниют.

– Не сгниют, – вторила девочка.

А Ниночка в это время укладывала куклу спать и сама смотрела на мир сонными глазами. Катю уже днём спать было не загнать, а Ниночка ещё могла себе позволить такие вольности. Катюшка начинала корчить из себя взрослую девушку и упорно мучила себя весь день. Вечером она буквально с ног валилась от усталости. А вообще, девочки во всём подражали взрослым. Обе сестрички старались походить на маму и бабулю, особенно на маму Риту.

– Мама у нас красивая, – говорила Катя.

– Красивая! Красивая! – кричала довольная Ниночка. Была зима, и Катя не убегала с другими девчонками от Ниночки. Катя стойко играла с Ниночкой. Они играли на полу или на разложенном диване. Зимой холодный пол, и бабуля беспокоилась, что девочки простудятся. Частенько по утрам девицы залезали на печку – на лежанку.

– Катя, ты старшая. Смотри за Ниночкой, – говорила всё время бабуля.

– Смотри за Ниночкой, – обезьянкой повторяла Нинка. – За Ниночкой! За Ниночкой!
– Вот, Нина, мы с тобой живём в домике, – показывала Катя на лежанку. – Здесь наша кровать, а здесь наше окошко. Смотри в окошко. Что ты видишь?

– Стол вижу, диван, бабулю, – хихикала Ниночка.

– Что ты, Нинка! Там у нас город. Большой и красивый, а мы живём в большом доме на втором этаже!

– Катя, ты это сама придумала? – удивилась бабушка.

– Не-а, по телевизору видела, да и Маринка рассказывала.

– Дом, дом, – бубнила Ниночка, расчёсывая кукле Наде волосы. Кате тоже нравились

Надины кудряшки.

– Тебе нравится наш домик? – спросила Катя.

– Нравится. И Надя мне тоже нравится.

– А у меня пупсик Света. Моя Света пришла в гости к твоей Наде. Тук-тук!

– Заходи, Света, Надя тебя ждёт. Надя кудри расчесала и причёску красивую себе сделала.

– Свете нравятся Надины кудри. Надя сегодня нарядная и очень красивая.

– Давайте пить чай, – сказала Нина за Надю.

– Давай пить чай с пирогами, – предложила Катя.

– Давай с пирогами. Или будем пить с конфетами? – Ниночка вела себя, как хозяйка дома.

– А можно с пирогами и с конфетами?

– Можно, – милостиво разрешила Ниночка.

В эти непростые для девочек дни, баба Шура принялась за воспитание старшей внучки. Младшая Ниночка не внушала большого беспокойства у взрослых. Ниночка ненавязчиво перенимала основы поведения у взрослых, да и росла не такой буквой, как Катя. А Катя к Новогодним праздникам мало продвинулась в обучении. Она не понимала значения всех этих закорючек, что именовались буквами. Честно пыталась их запомнить. Добросовестно сидела рядом с бабулей и водила пальчиком по ярким картинкам. Буковки никак не желали складываться в слоги, а слоги в слова. Мама упорно мыла раму, но никак не ассоциировалась у Кати с реальным человеком. Да и как? Мама на работе. Она никак не может мыть раму да ещё зимой. И в лесу никто «ау!» не кричал. Сейчас разве что ушастые зайчики прыгали на снегу и играли в догонялки. Катя живо представила, как беленькие пушистые зайчики бегают, прыгают в лесу между ёлок и аукаются между собой. Ей стало смешно. Она только что отмучилась, почитала с бабулей слоги. Ниночка подошла и больно дёрнула сестру за волосы:

– Моя очередь играть с Надей!

– Нинка, ты всё время играешь с Надей, а я буквы учу, – возмутилась Катя.

– Я играла и не наигралась. Хочу ещё! Моя очередь играть с Надей! – не уступала младшая сестра и бесцеремонно ткнула старшую в бок.

– Больно, – обиделась Катя.

– Беги, Катька, жалуйся маме или бабе, что я тебя треснула, – захихикала противная

Нинка.

– Это ты, Нинка, всё маме жалуешься. Я не буду.

– Не ври, я не жалуюсь. Нина хорошая.

– Нинка – вредина! Э-э! – Катя показала Нинке язык.

– Сама ты вредина! – Катя получила очередной тычок. Девочка не сдержалась и от души врезала наглой Нинульке.

– Баба! Баба! Меня Катька бьёт! – заревела Нина. Бабуля без разбирательств поставила Катю в угол.

– Постоишь в углу, а потом, Катенька, мы будем учиться писать буковки, – баба Шура строжила старшую. «В углу постою, а потом эта попытка с буковками. Не жизнь – сплошное

наказание!» Катя пригорюнилась, уткнулась лбом в стенку. Так ей лучше стоялось, так ей и думалось лучше. О чём думала Катя, она и сама не знала. Её мозг подключался к чему-то большому, объёмистому и мощному. Та информация, которую Катя получала от этого большого и непонятого объекта не имела возможности обрабатываться и оседала мёртвым грузом. Катя чувствовала, что заполняется чем-то важным. Сможет ли она когда-либо расшифровать эти данные? Большой вопрос, да он пока девчонку и не беспокоил. Катя покорно стояла в углу.

– Катюша, ты больше не наказана. Выходи.

– Бабуля, Катька не выходит, – наябедничала Нинулька.

– Катя, ты там уснула? Выходи! – бабуля подошла проверить внучку.

– Не-а, не хочу, – пробурчала старшая внучка, сонно ворочая языком.

– Что ты не хочешь? – нахмурилась бабушка. Всё-то с этой Катькой не как у людей!

– Не хочу учиться...

– Добры дела! – охнула бабуля. – девка учиться не хочет! Будешь тогда дворником работать, никуда тебя больше не возьмут.

– Это плохо работать дворником? – подняла глаза на бабулю Катенька.

– Это не плохо, это позорно. Ты же нормальная девочка. Ты в состоянии обучиться грамоте, а не махать метлой все дни напролёт, да и лёд не придётся долбить. Поняла?

– Ага.

– Идём читать азбуку.

– Опять читать, – поникла Катя.

– Хорошо, сегодня не будем больше читать.

– Ура! – просияла внучка да так громко, что Ниночка забеспокоилась в кукольном углу.

Вдруг там Кате что-то вкусненькое дали, а её обошли? Надо проверить.

– Ура! Ура! – тут как тут оказалась Нинулька.

– Сегодня ты будешь учиться писать буквы, – торжественно объявила бабушка.

– Это, как ты пишешь письма?

– Я пишу письма, и ты также научишься.

– А я кому буду писать письма?

– Кому захочешь. Ты же растёшь, знакомишься. Найдётся, кому писать письма, – поучала бабуля. – Садись за стол, бери в руки карандаш.

Катя уселась на взрослый стул, сграбастала в кулачок карандаш и принялась рисовать на листочке. Получалось не очень.

– Что это у тебя нарисовано, Катенька?

– Мама, – потупилась Катенька.

– А это рядом с ней что такое? Это ты, Катя?

– Нет, это наш кот Васька.

– Каляка-маляка! – тоном профессора-всезнайки заявила Ниночка. Она уселась рядом и тут же принялась что-то чиркать на другом листке зелёным карандашом.

– Ниночка, что ты рисуешь? Лес? – спросила бабуля, заинтересованная Ниночкой.

– Это море! – последовал короткий ответ.

– Море? А почему море зелёное?

– Не знаю. Мне так захотелось, – Ниночка от усердия высунула кончик языка и низко наклонилась к рисунку.

– Нина, не горбись, держи спинку прямо! А ты, Катя, не в той ручке держишь карандашик. Смотри, как Ниночка держит.

– Эта ручка не хочет, – суксилась Катя.

– Что ручка не хочет?

– Ручка не хочет держать карандашик, – промямлила Катя.

– Смотри, у Ниночки правильная ручка держит карандаш. Давай я тебе помогу.

Катя зажала карандаш в правой руке. Она держала карандаш и не понимала, что дальше делать.

– Ты рисуй им, Катенька!

– Так не получается, – прошептала Катя.

– Что у тебя не получается? Ты подвигай ручкой, и всё получится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.